

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставкой и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. печ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печниковой.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 24 Сентября.

СОДЕРЖАНИЕ: Противопожарныя мѣры. — За-
мѣтка.—Лже-князь театральной критики. В. Ген-
кена. О специальныхъ законахъ для актеровъ. В. Дал-
матова. —Хроника театра и искусства.—Первое пред-
ставленіе «Смерти Іоанна Грознаго». О. Димова.—
Вариантъ «Плодовъ Просвѣщенія». Ното novus. —
За границы. —Провинціальная лѣтопись. —Объ-
явленія.

№ 39.

Рисунки: В. П. Далматовъ въ роли Тарелкина
рис. С. Панова. «Плоды Просвѣщенія» (3 рис.),
«Царь Борисъ». —Нильскій въ роли Грознаго, «Слиш-
комъ много таланта» (6 рис.).

Портреты: г-жи Гладкой, А. К. Толстого и г.
Антоновскаго.

Приложеніе: Библіотека Театра и Искусства
№ 9. «Знакомые силуэты» А. Биссона.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1900 годъ.

Полгода (съ 1 іюля) 4 руб., годъ — 6 руб.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№.

Отъ редакціи.

Въ отвѣтъ на заявленія подписчиковъ о недостающихъ
якобы страницахъ въ пьесѣ «Преступленіе и наказаніе», по-
вторяемъ еще разъ: пьеса разослана полностью, произошла же
лишь досадная погрѣшность въ нумераціи страницъ. *Всѣхъ*
страницъ въ пьесѣ должно быть 66. На страницѣ 49 ошибочно
поставлено 65, а неправильная пагинація была замѣчена уже
по отпечатаніи всѣхъ экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 24 Сентября.

Предъ открытіемъ сезона въ театрахъ идутъ
спѣшныя осмотры «пожарныхъ комиссій». Мы
не знаемъ въ точности, на основаніи какихъ
инструкцій производятся эти осмотры, — въ
силу ли полицейскихъ требованій, или на
основаніи «обязательныхъ постановленій» го-
родскихъ управъ, или оба органа участвуютъ сов-
мѣстно въ выработкѣ противопожарныхъ мѣръ въ
театрахъ. Одно несомнѣнно—что сторона, наиболѣе
въ этомъ заинтересованная, театральная антреприза,
не принимала никакого участія въ выработкѣ на-
каза. Вѣроятно, именно потому требованія пожар-

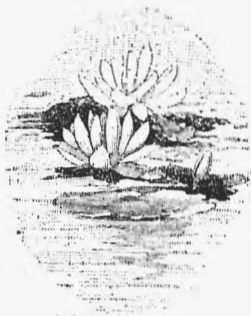
ныхъ комиссій, весьма, быть можетъ, нелишнія —
ибо что можетъ быть лишнимъ въ вопросѣ обще-
ственной безопасности? — оказываются нерѣдко
крайне отяготительными для театралныхъ пред-
пріятій. Такъ, напримѣръ, пожарная комиссія, по
требованію которой были уже сдѣланы перестройки
въ залѣ Приказчичьяго клуба, въ настоящее время
предъявила еще одно требованіе — устройство *желез-
наго* потолка въ залѣ представленій. Почему бы и
не быть желѣзному потолку? Еще лучше былъ-бы
потолокъ изъ чернаго мрамора, тоже очень безо-
пасный въ пожарномъ отношеніи, но каково теат-
ральному предпріятію подъ бременемъ такихъ тре-
бованій? Если требованія пожарной безопасности не
ограничивать необходимымъ минимумомъ, но стре-
миться къ идеальному совершенству,—тогда театры,
пожалуй, пришлось бы строить на морѣ-Окіанѣ, на
островѣ Буянгъ, подобно лабораторіи для разводки
чумныхъ бациллъ. Пожаровъ, точно, не будетъ, но
будутъ ли театры?

Въ другомъ театрѣ, при осмотрѣ, выразили же-
ланіе, какъ говорятъ, объ устройствѣ громоотвода.
Для зимняго сезона въ нашемъ климатѣ, громоот-
водъ, пожалуй, излишняя роскошь, хотя, разу-
мѣется, помѣщать громоотводъ ничему не можетъ,
кромѣ какъ антрепризѣ, у которой открытіе,—гро-
зящее большими затрудненіями, нежели весенняя
гроза, на носу...

Разъ требованія пожарной безопасности для те-
атровъ имѣютъ специальный характеръ, то въ обсу-
жденіи инструкцій и обязательныхъ правилъ должны
непремѣнно участвовать представители театралныхъ
предпріятій или какого-нибудь компетентнаго теат-
рального учрежденія. Иначе эти требованія оста-
нутся свидѣтельствомъ прекрасныхъ намѣреній, но

мало соображенныхъ съ условіями театральной жизни. Практическій законъ всегда вытекаетъ изъ соглашенія интересовъ и заключается въ себѣ существенныя черты компромисса, чѣмъ и отличается отъ теорій и фантазій.

Какъ мы слышали, нѣмецкіе и французскіе спектакли въ Императорскихъ театрахъ будутъ продолжаться и на четвертой недѣлѣ поста, вопреки постановленію закона отъ 2 іюля. То, что мы предсказывали, оправдалось гораздо раньше, чѣмъ мы думали. Облегчительный законъ, недостаточно соображенный съ практическими требованіями театральной жизни, могъ легко превратиться въ еще большее противъ прежняго стѣсненіе. Не сомнѣваясь, что будутъ постепенно удовлетворены и прочія ходатайства, и запрещеніе играть на четвертой недѣлѣ поста будетъ отмѣнено, ибо, какъ мы объясняли, это запрещеніе дѣлать великопостный сезонъ на двѣ половины, лишая обѣ, благодаря ихъ кратковременности, правильной экономической организации.

Лже-князь театральной критики *).

Все, что пишетъ журналистъ, скоро забывается. Быстро теряются и гибнутъ его слова, и друзья Сарсэ были правы, рѣшивъ выбрать все лучшее изъ написаннаго имъ, въ теченіи сорока лѣтъ его журнальной дѣятельности.

Передъ нами первый и второй томы его, такъ называемыхъ „драматическихъ фельетоновъ“, „*Quarante ans de Théâtre*“. Въ первый томъ вошли „*La Comédie-Française—Souvenirs—Les lois du Théâtre*“; во второй—„*La Comédie classique (Molière, Regnard, Marivaux, Beaumarchais)*“. Третій томъ будетъ посвященъ трагедіи; четвертый—драмамъ и водевилямъ; пятый—комедіямъ; шестой—молодежи, свободному театру, и Ибсену, и наконецъ, седьмой будетъ заключать въ себѣ полемическія статьи, потому что Сарсэ былъ первоклассный полемистъ, съ добродушнымъ видомъ убивавшій противника. Какъ въ полемикѣ, такъ и въ критическихъ его статьяхъ преобладали при этомъ три характерныя черты, создавшія ему популярность: жизнь, движеніе и рельефность письма.

Но, въ сущности, весь Сарсэ, со всеми его недочетами и достоинствами, сказался въ первомъ томѣ, и очень интересно разгадать теперь секретъ необыкновеннаго вліянія того, кто такъ долго признавался Франціей, а за ней и всѣми другими странами *le prince des critiques*. Лучшую его характеристику сдѣлалъ Фагэ. Въ чемъ заключалась тайна вліянія Сарсэ? Единственно въ томъ, что онъ жилъ одною жизнью и дышалъ однимъ дыханіемъ съ толпой. Онъ плакалъ, если

Дорогой шла дѣвица,
Съ ней другъ ея младой;
Волѣзаны ихъ лица,
Наполненъ взоръ тоской,

ибо и публика плакала при этомъ, и точно также требовалъ

Пой пляши, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай,

если отъ этого приходила въ восторгъ та „средняя“ часть публики, которая называется по-французски „*le gros du public*“. Онъ любилъ повторять „бутаду“ Мольера: „нѣтъ другихъ законовъ въ искусствѣ, кромѣ закона угожденія публикѣ“. Въ другомъ мѣстѣ Сарсэ говоритъ: „Я хочу, чтобы театръ сталъ простой забавой“. „*Or, je veux bien que le théâtre ne soit pas qu'un simple amusement*“. (*Quarante ans de Théâtre*, Т. I, стр. III). „Успѣхъ—вотъ руководящая нить моей критики“, пишетъ онъ (св. стр. 54). Онъ раскрываетъ предъ нами слѣдующую тайну своего творчества. „Я говорю только то, что истинно для сегодняшняго дня, такъ какъ я пишу въ газетѣ“. Каждая десятая лѣтъ мода во Франціи мѣняется въ вопросахъ художественныхъ, какъ во всемъ остальномъ. Черезъ десять лѣтъ критика Сарсэ пойдетъ на смарку. Онъ въ этомъ не сомнѣвается. Но что дѣлать? Все—суета суетъ и фелетоны, и пьесы, и критики. Все—прахъ и все сойдетъ „подъ вѣчны своды“ и будетъ продано забвенію.

Этотъ вершитель театралныхъ судебъ и властитель театралныхъ думъ писалъ далѣе: „У публики есть свои капризы, часто непонятные и ничѣмъ не вызванные. Мы должны ихъ объяснить. Мы не имѣемъ права бороться съ ними, во имя вѣчныхъ законовъ красоты. Предоставимъ эту задачу тѣмъ, кто выпустаетъ на свѣтъ книги или пишетъ въ журналахъ. Насъ читаютъ за чашкой кофе и при этомъ часто думаютъ совсѣмъ о другомъ... „*Мы голосъ толпы, мы—первый въ крикъ*“... И еще далѣе. „*Мы—пигурово стадо критики; публика прыгаетъ, и мы прыгаемъ*“... И потому

Пой, пляши, кружись, Параша!
Руки въ боки подпирай...

Въ концѣ концовъ, Сарсэ могъ повторить вмѣстѣ съ Вейсомъ, что онъ чувствовалъ священный трепетъ только три раза, когда слушалъ Марсельезу, Рапсель и „*l'héroïque cantatrice*“ Терезу въ парижскомъ кафе-концертѣ.

Сарсэ былъ плотью отъ плоти толпы; онъ былъ рожденъ, вскормленъ и вспоенъ толпой; онъ думалъ вмѣстѣ съ толпой, и за одно съ толпой. „Отсюда, говоритъ Фагэ, эта слава, приобретенная съ первыхъ же шаговъ, слава, не знавшая черныхъ дней, не знавшая даже временныхъ уклоненій. Отсюда этотъ титулъ „*le prince du bon sens*“, связанный съ его именемъ; онъ не допускалъ даже права говорить и думать не такъ, *comme on parle chez nous*, онъ никогда не позволялъ себѣ отступать отъ способа мышленія большинства „честныхъ людей“; онъ высказывалъ это только болѣе легкимъ, болѣе чистымъ, литературнымъ языкомъ“. Онъ высказывалъ на языкѣ немногихъ то, что думаютъ всѣ. И притомъ у Сарсэ было одно неоцѣненное качество,—онъ никогда не сомнѣвался. По крайней мѣрѣ онъ не сомнѣвался, пока писалъ свою статью. Никогда вы не замѣтите у него ни словца раскаянія, никогда никакихъ оговорокъ, никакихъ колебаній. Посмотрите при этомъ, какъ онъ суровъ къ тѣмъ, кто переживаетъ мучительный процессъ запросовъ, и кто не былъ увѣренъ въ себѣ, какъ напр. въ первомъ томѣ его сочиненій, гдѣ онъ безпощадно развѣнчиваетъ Жюля Жанена, — своего предшественника,

*) Fr. Sarcey „*Quarante ans de théâtre*“.

въ званіи короля театальной критики, отрицая за нимъ все, кромѣ оригинальной манеры изложенія. Сарсэ рассказываетъ не безъ ироніи о бѣдномъ Риго, одномъ изъ талантливейшихъ критиковъ „Débats“. „Фей, одарившій его у колыбели всѣмъ, отказали ему въ двухъ качествахъ,—въ самоувѣренности и плодовитости“. Сарсэ былъ и самоувѣренъ, и плодovitъ, какъ истинный сынъ толпы. Къ нему больше, чѣмъ къ кому бы то ни было, можетъ быть примѣненъ анекдотъ, о парижскомъ архіепископѣ, написавшемъ множество посланій.

— Читали ли вы мое послѣднее пастырское посланіе? спросилъ архіепископъ у графа Шамбора.

— Нѣтъ, ваше святѣйшество, а вы?

Сарсэ избѣгалъ крупныхъ вопросовъ, и предпочиталъ останавливаться на мелочахъ, на грамматическихъ ошибкахъ, на анекдотахъ.

Сарсэ зналъ всегда, что рассказать, но никогда не зналъ, что сказать. Это былъ не критикъ, а любитель драматическаго искусства, не тонкій эстетикъ, а *habitué*, много выдавшій на своемъ вѣку и интересно рассказывавшій. Онъ помнилъ только одно,— что обязанъ публикѣ минимумомъ истины „qu'il y avait un minimum de vérité, qu'il devait au public“. Какая разница между широкими политическими идеалами Вейса, пламенными восторгами Поля Сенъ Виктора, красотою стиля Теофила Готье, томительными сомнѣніями Леметра, эрудиціей Ларумеля... И чтобы понять всю презрѣнность успѣха у толпы, достаточно представить себѣ образъ Сарсэ—ея кумира. „Въ критикѣ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ его ученикъ и замѣститель въ „Temps“ Ларумэ, Сарсэ былъ буржуа и педагогъ, со всѣми достоинствами и недостатками, собственными этимъ двумъ званіямъ. У него было много здраваго смысла, и онъ любилъ прозу; фантазія отгалкивала его отъ себя, онъ не чувствовалъ красоты поэзіи“. Неудивительно, если трагическая поэзія Шекспира, или изысканная муза Мюссе оставили его холоднымъ; если онъ считалъ Скриба гениемъ, а Сарду ставилъ выше Ожье. Настоящимъ же отдыхомъ для его души,— души французскаго филистера, — былъ водевиль, безъ претензій, чуждый всякой тѣни правдоподобія, безъ стиля, безъ настроенія, но отлично сдѣланный, съ *qui pro quo*, съ переодѣваніями, съ залѣзаніями подъ кровать, съ неожиданными встрѣчами. Для его сытой и жирной души это былъ цѣлительный бальзамъ!

Какъ буржуа, онъ любилъ традиціи, и титулъ „дядюшки“, даже „національнаго дядюшки“ онъ носилъ съ достоинствомъ и по заслугамъ.

„Наша обязанность, обязанность критиковъ, писать Сарсэ,—объяснить публикѣ, почему извѣстныя вещи ей нравятся. Мы только указываемъ ей: дорога свободна; можете идти. Но мы не ищемъ ея, а если ищемъ, то всегда ошибаемся“ (ib. стр. 192). Тотъ, кто платитъ деньги, всегда правъ, по мнѣнію Сарсэ, и съ мнѣніемъ платнаго зрителя надо считаться. Ему должны служить и актеры, и авторы, и критика. Пьеса, которая не дѣлаетъ сборовъ, напоминаетъ ему кобылу Ролана, имѣвшую тысячу достоинствъ и только одинъ недостатокъ: она была мертва. „Только то прекрасно и правдиво, что находится прекраснымъ и правдивымъ публика“. Вотъ

его девизъ. Вотъ истины, проповѣдуемыя тѣмъ, кто въ статьѣ „La dramaturgie de Lessing“ считаетъ себя его прямымъ ученикомъ наслѣдникомъ!

И тѣмъ не менѣе, у Сарсэ была тоже своя эстетика, подобно тому, какъ всякій, даже самый презрѣнный человѣкъ полагаетъ, что у него есть своя мораль.

Прежде всего руководящій эстетическій принципъ Сарсэ: надо нравиться публикѣ.

Нуженъ ли вообще для критики идеалъ? Сарсэ говоритъ, что онъ не знаетъ никакихъ идеаловъ, что онъ просто не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло.

КЪ 25-лѣтію СМЕРТИ А. К. ТОЛСТОГО.

Смерть Іоанна Грознаго.
(Нильскій въ роли Грознаго).

Быть можетъ, въ надзвѣздномъ эфирѣ существуетъ высшая и совершеннѣйшая форма драмы, и всѣ наши шедевры—только блѣдныя ихъ копія. „Но я этого знать не хочу, пишетъ онъ. Это дѣло критиковъ-теологовъ; эстетика, какъ я ее понимаю,—не имѣетъ никакой полезной практической цѣли ни для писателей, ни для слушателей“ (sic) (ib. стр. 123).

Въ концѣ концовъ, не все ли равно? Луковидъ распускается въ цвѣтокъ. Къ чему намъ знать, какъ и какимъ образомъ? Развѣ отъ теоріи эстетики шедевры начнутъ расти, какъ грибы? И потому „эстетика“ Сарсэ сводится къ тому, что нужно констатировать факты, и въ крайнемъ случаѣ, группировать ихъ.

Но что такое театральная пьеса? Можно ли пред-

ставить себя пьесу безъ публики? Нѣтъ. Слѣдовательно, единственно опредѣляющимъ и рѣшающимъ элементомъ въ театрѣ является публика. Нѣтъ публики—нѣтъ театра. Публика—все; это необходимое, фатальное условіе, и къ ней должно приспособляться все драматическое искусство.

Публика состоитъ изъ отдѣльных лицъ. У этихъ лицъ имѣются общія чувства и понятія, одинаковыя у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, и съ ними должно считаться драматическое искусство, такъ же, какъ оно должно считаться съ предрасудками, свойственными всѣмъ народамъ и эпохамъ. Но есть чувства и предрасудки, измѣняющіеся во времени, въ зависимости отъ культурныхъ взглядовъ общества,—и вмѣстѣ съ измѣненіемъ взглядовъ публики, должны измѣняться и законы театральной перспективы, а стало быть, и законы эстетики. Драматическое искусство является, слѣдовательно, совокупностью общихъ или частныхъ условностей; вѣчныхъ или преходящихъ, при посредствѣ которыхъ воспроизведенная на подмосткахъ театра жизнь даетъ публикѣ иллюзію дѣйствительности. Вотъ и все.

Правда-же жизни, воспроизведенная такъ, какъ она есть, покажется при свѣтѣ рампы тысячеголовому чудовищу, именуемому публикой ложью. Публикѣ нужно дать иллюзію правды, а не самую правду. Въ свою очередь, публика можетъ проникнуться только однимъ настроеніемъ, или настроеніемъ скорби, или настроеніемъ веселія. Въ жизни смѣхъ смѣняетъ слезы, и слезы смѣняютъ смѣхъ. Въ публикѣ простая улыбка, послѣ трагическаго крика, губить пьесу. Вы плачете? Прекрасно! Смѣетесь? Смѣйтесь, пожалуйста, на здоровье! Вы смѣетесь тамъ, гдѣ нужно плакать, плачете тамъ, гдѣ нужно смѣяться. Это ваше дѣло. Насъ это нисколько не касается. Въ театрѣ — другое. Авторъ долженъ дать не самую жизнь, а ея иллюзію, что далеко не одно и то же. И вотъ, если тысяча человѣкъ плачутъ, то они не могутъ думать о смѣхѣ, имъ непріятно, если имъ напомнить о смѣхѣ, показавъ комическую сторону трагической маски. Вотъ вамъ и эстетическій принципъ: нельзя смѣшивать комическій жанръ съ драматическимъ. Впечатлѣніе должно оставаться однороднымъ, ибо „театръ не есть воспроизведеніе человеческой жизни, но совокупность условностей, долженствующихъ дать такую иллюзію зрителямъ. А этой иллюзіи не случится, если настроеніе зритель нарушается, если ихъ удовольствіе портится“ (ib. стр. 181).

Три театральныя революціи пережилъ Сарсэ. Первая—была постановка „Соломенной шляпки“ Лабиша; Сарсэ всегда чувствовалъ „влеченіе, родъ недуга“, къ „Соломенной шляпѣ“, открывшей съ такимъ блескомъ серію водевилей. Вторая революція—это постановка „la Dame aux Camélias“. Третья—„Орфей въ аду“ Галеви и Гектора Кремье. Романтизмъ, натурализмъ, компанія Зола, Аюри Бекъ, Бріе и Эрвье, вліяніе Ибсена и русскаго романа,—все это прошло для Сарсэ незамѣченнымъ, рядомъ съ „Орфеемъ“ и „Соломенной шляпой“. Сарсэ не дождался осуществленія двухъ другихъ великихъ реформъ, но онъ звалъ ихъ всѣмъ своимъ сердцемъ. Для возрожденія театра, необходимо было прекратить, по его мнѣнію, выдачу даровыхъ билетовъ рецензентамъ. Если моя обязанность знакомить публику съ пьесой, то я найду у себя семь франковъ за кресло, но вся зала должна быть распродана на первое представленіе публикѣ, и она будетъ судить. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, надо обѣдать въ пять часовъ, и начинать спектакль въ шесть. И тогда все пойдетъ къ лучшему, въ семь лучшимъ изъ міровъ. Можно будетъ ложиться въ десять часовъ

спать, а это очень здорово, — и авторы будутъ писать очень здоровыя и гигиеническія пьесы. Пора, наконецъ, разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ. „Насколько сыграна роль въ нашемъ веселіи, или въ вашей скукѣ, пьеса? Какія обстоятельства повліяли на вашъ приговоръ? Хорошо-ли, или дурно вы пообедали? Тепло-ли было вашимъ ногамъ?“ спрашиваетъ Сарсэ (Quar. ans de Théâtre t. I, стр. 49). Не поссорились-ли вы сегодня съ женой? Подали-ли вамъ вкусное сладкое? Великій критикъ долженъ все это тщательно взвѣсить, и только тогда его смерть оплакивается, какъ національный трауръ, какъ кончина короля критиковъ.

Со всѣмъ тѣмъ, Сарсэ былъ талантливый человекъ, и въ этомъ заключался весь ядъ его критики. Онъ былъ талантливъ несомнѣнно. Прежде всего, онъ былъ удивительный рассказчикъ, постигшій въ совершенствѣ искусство бесѣдовать съ читателемъ. Его девизомъ было изрѣченіе Вовенара „La familiarité est l'apprentissage des esprits“, и этому девизу онъ оставался вѣренъ всю жизнь. Сарсэ былъ незнакомъ голосъ страсти. Вотъ почему онъ не понималъ лирической поэзіи. У него много здраваго смысла, разсудительности и логики, но нѣтъ непосредственности чувства прекраснаго, какъ символа истиннаго таланта. Анакреонъ говоритъ, что онъ „любовниковъ счастливыхъ узнаетъ по ихъ глазамъ“, большой талантъ также познается по особымъ непередаваемымъ примѣтамъ. Это чувствуется.

Но, гдѣ Сарсэ находится въ своей сферѣ, гдѣ у него является и тонкое пониманіе, и извѣстство, и тактъ, — это когда онъ говоритъ о комедіи, т. е. о французской средней комедіи, зло и ядовито названной однимъ критикомъ „une conversation sous un lustre“. Онъ знаетъ всѣ оттѣнки чувствъ средняго парижанина, ибо боготворитъ рутину и дорожитъ благополучіемъ средняго обывателя. Прибавьте къ этому отзывчивость, прекрасное литературное дарованіе, нервъ публициста, злой юморъ, и вы поймете, почему можно, не отрываясь, прочесть оба его тома. Его ясный, точный и прозрачный языкъ, — языкъ Вольтера и Буало,—несмотря на отсутствіе колоритности и воображенія, нисколько не уступаетъ языку лучшихъ французскихъ стилистовъ. Сарсэ былъ вѣрнымъ сыномъ Вольтера. Но фондъ идей, завѣщанныхъ Франціи VIII столѣтіемъ, сбросившимъ съ себя цѣпи религіозныхъ предрасудковъ, и наложившимъ на мысль оковы здраваго смысла, былъ, въ сущности, невеликъ. Люди могли свободно думать; но мало о чемъ думали.

Громкій титулъ „короля критиковъ“, „великаго критика“ и даже „выдающагося критика“ звучитъ ироніею, когда подумаешь объ эстетическомъ наслѣдствѣ, оставленномъ Сарсэ. Но, съ его смертью исчезло, безспорно, одно изъ характерныхъ явленій парижской жизни. „Эта парижская жизнь можетъ казаться моментами поверхностной, говоритъ Ренанъ. Но она представляетъ собою плѣнительную группу милыхъ образовъ. Это прекрасный горни, гдѣ перегораютъ остатки жизненныхъ соковъ, не поглощенныхъ ни философіей, ни наукой. Значительная часть человечества живетъ парижской хроникой, и когда ея не становится, міръ почувствуетъ, что ему чего-то не хватаетъ“.

Сарсэ былъ яркимъ и типичнымъ продуктомъ „парижской хроники“, но, какъ театральны критикъ, онъ былъ явленіемъ глубоко прискорбнымъ. Его судъ былъ судомъ рутины, ремесла, самодовольства, задерживавшимъ всякое движеніе впередъ, останавливавшимъ пробужденіе новой—молодой Франціи.

В. Генкенъ.

О специальных законах для актеровъ.

Волкъ близко обходя пастушій дворъ
И видя сквозъ заборъ,
Что, выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно пастухи себѣ барашка потрошатъ,
А псы смиренхонько лежатъ,—

Самъ молвилъ про себя, прочь уходя въ
досадѣ:

«Какой-бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли,
друзья,

Когда-бы это сдѣлалъ я!»

И. А. Крыловъ.

Пока дѣло шло о недобросовѣстномъ поведеніи и отношеніи актера Боброва къ своей возлюбленной, можно было удивляться, возмущаться, соглашаться или не соглашаться съ доводами обвиненія и оправданія, но во всякомъ случаѣ это было дѣло изъ хроники происшествій, и на этой почвѣ были понятны и удивленіе, и негодованіе. Но когда значительная часть журналистовъ, присоединившись къ случайнымъ астраханскимъ протестантамъ, съ яростью потребовала чуть-ли не смерти за смерть, безпощадной, публичной казни надъ актеромъ, потому что, будто-бы, такъ выходить, и частная жизнь актеровъ должна быть, какъ на ладони, раскрыта предъ публикой,—намъ, грѣшнымъ актерамъ, становится жутко. Мы не объявляемъ себя отъ грѣховъ, но мы пробуемъ „слабымъ пискомъ“ заявить протестъ противъ грозныхъ судей, которые, какъ намъ извѣстно, сами такіе-же грѣшные люди, и которыхъ, однако, не казнятъ, самовольно и публично, помимо общихъ государственныхъ законовъ и установленій. Кто знаетъ, быть можетъ, въ настоящее время гдѣ-нибудь втихомолку уже вырабатываютъ спеціальныя статьи закона, чтобы разъ навсегда пресѣчь преступленія актеровъ и ихъ посягательства на общественную нравственность? Добилась-же католическая церковь при Людовикѣ XIV отлученія актеровъ отъ церкви и, какъ извѣстно, актеръ Мольеръ, актриса Адриенна Лекуверреръ и др. не получили христіанскаго погребенія и только въ срединѣ XIX в. парижскій архіепископъ Сибуръ снялъ съ французскихъ актеровъ это проклетіе и принялъ ихъ въ лоно католической церкви...

Въ 60-хъ годахъ, при похоронахъ знаменитаго актера А. Е. Мартынова, котораго сопровождали десятки тысячъ благодарныхъ поклонниковъ, духовенство не согласилось отслужить литію противъ Александринскаго Императорскаго театра, гдѣ геніальный актеръ всю жизнь провелъ, вызывая всѣмъ своимъ существомъ къ милосердію и братству и преждевременно погибъ отъ злой чахотки да отъ безсильной борьбы съ косностью и жестокостью окружавшихъ. Что ни взведи на актера, какъ ни клевети—для этого всегда найдется готовая почва. Вспомнимъ исторію, заглянемъ въ болѣе отдаленныя времена, мы и тамъ увидимъ періодическую борьбу и гоненіе на актеровъ, хотя они служили религіознымъ цѣлямъ. Но каждый разъ, когда актеры-импровизаторы и поэты-актеры переходили отмежеванную имъ служебную или политическую программу—противъ нихъ выступали съ громовымъ декретомъ Солонъ или Діоклетіанъ и злосчастныхъ актеровъ уничтожали впредь

до появленія добраго генія Перикла или моровой язвы, какъ это было у римлянъ въ концѣ IV в., когда для отвращенія свирѣпствовавшей эпидеміи и для умилостивленія боговъ стали устраивать сценическія представленія.

Вспомнимъ времена Шекспира, и что онъ вынесъ со своими товарищами, которыхъ гоняли съ мѣста на мѣсто, пока королева Елизавета не взяла его съ трупною подъ свое покровительство, и т. д. и т. д. Куда ни взглянешь—всюду встрѣчаешь среди мучениковъ и актеровъ. Только ихъ никто не канонизировалъ и историки не проливали надъ ними поздней слезы, не смотря на заслуги, на страданія во имя тѣхъ-же глубонравственныхъ идей, за которыя пострадали всѣ герои и мученики челоуѣчества. Это обстоятельство, весьма важное въ воззрѣніяхъ всѣхъ народовъ, послужило мистикамъ и святошамъ всякаго рода точкой опоры для пропаганды ненависти къ актерамъ,—къ тѣмъ, кто вносилъ свѣтъ и мѣшалъ безнаказанно эксплуатировать темную массу. Актеры были воистину „сосудомъ діавола“ и однимъ изъ сонмища „мохнатыхъ“.

Намъ Аркапка—послѣдній изъ представителей чертовскаго амплуа, въ которое насъ законопатило историческое прошлое.

Шансы не равны. Съ одной стороны гонители, пользующіеся покровительствомъ самой почтенной, буржуазной морали, а съ другой—бездомные фантазеры, энтузіасты, зачастую лишенные родительскаго крова, благодаря предрасудкамъ среды.

Кого же легче клеймить, какъ не актеровъ? Кто за нихъ заступится?

Такимъ образомъ, изъ вѣка въ вѣкъ, до нашихъ дней, актеръ ведетъ борьбу съ преградами, мѣшающими ему встать на высоту, соответствующую его призванію. Несмотря на покровительство многихъ сильныхъ міра сего, дружившихъ съ актерами, принимавшихъ самое горячее участіе въ ихъ судьбѣ, положеніе актера, какъ общественнаго дѣятеля высшаго порядка, до сихъ поръ двусмысленное. И развѣ, напримѣръ, на нашихъ глазахъ, это не доказывается лучше всего „бобровскимъ инцидентомъ“, который послужилъ темой для страстной журнальной полемики? Казнить-ли актера за проступки противъ общественной нравственности по общегосударственнымъ законамъ, или, недовольствуясь общимъ положеніемъ вещей, расправиться съ виновнымъ „судомъ Линча“ самолично и публично, даже безъ жалобъ пострадавшей или пострадавшего? Большинство воскликнуло: „Распятъ его!“ Нашлись, правда, и принципиальные защитники, но что значатъ одинокіе голоса противъ воплей многихъ, держащихъ въ рукахъ перо, и руководящихъ общественнымъ мнѣніемъ?

Большинство изъ этихъ яростныхъ судей—самые добродушные люди, конечно. Я ихъ лично знаю. Они не способны и воробью головку свернуть,—но въ дѣлѣ, „наслѣдственной“ мести актеру за грѣхи отцовъ, они готовы избобрѣсти цѣлую систему наказаній „отъ обывателей“, въ дополненіе къ установленіямъ властей предрежащихъ.

И никто не можетъ или не хочетъ почувствовать, что въ основѣ всего этого гоненія,—дикая многовѣковая несправедливость къ актеру. Въ народѣ еще и до сихъ поръ совершаютъ жестокой самосудъ надъ коддунами, конокрадами и евреями, и противъ этого зла боролось и борются лучшіе люди, церкви, судебныя уставы, школа и театр. И въ то-же самое время просвѣщенные журналисты провозглашаютъ съ высоты газетной каеедры о пользѣ самосуда надъ актерами.

Вообразимъ картину будущаго. Съ каждымъ го-

* Читатели оцѣнятъ, конечно, страстную и оригинальную по постановкѣ вопроса, статью В. П. Далматова. Мы не раздѣляемъ опасеній и страховъ талантливаго автора и полагаемъ, что между самосудомъ и скандаломъ — дистанція огромнаго размѣра. Но въ разсужденіяхъ В. П. Далматова о вѣчныхъ источникахъ гоненій на актеровъ—много вѣрнаго и горькаго.

домъ народные театры принимаютъ все большіе и большіе размѣры. Театръ, быть можетъ, будетъ играть первенствующую роль въ смыслѣ обмѣна мыслей у народа. Если въ настоящее время собирается до 10 тысячъ въ Васильевостровскомъ лѣтнемъ театрѣ въ праздничный день, то сколько же его будетъ со временемъ?

Вообразите и почувствуйте картину будущаго суда и народной расправы въ театрѣ надъ злосчастнымъ актеромъ, провинившимся въ частной жизни въ проступкѣ или преступленіи, предусмотрѣнными судебными уставами... Что же это будетъ? А вѣдь къ этому общество призываетъ. Если продолжать пропаганду такого рода, что же тутъ невозможнаго? Большинство читателей слѣпо, инстинктивно повинуются печатному слову и разносятъ его по міру.

Повторяю, такая принципиальная постановка вопроса о самосудѣ надъ актерами и законности публичной надъ нимъ казни — плодъ многолѣтняго предубѣжденія.

Но оперетка? скажутъ мнѣ. — Что же оперетка? Законные отцы оперетки, воспитавшей Бобровыхъ, все это люди шальныхъ денегъ — инженеры, банковскіе дѣльцы, адвокаты, концессионеры, облигационеры, акціонеры — вѣдь это они намъ оставили это печальное наслѣдіе. Правы общественные, а съ ними и театральные значительно понизились, благодаря имонно этимъ представителямъ шальныхъ денегъ и раздраженныхъ аппетитовъ. Каковъ спросъ — таково и предложеніе. Для оперетки потребовался цѣлый легионъ красивыхъ женщинъ, и онѣ явились сначала робко, а затѣмъ безъ всякой борьбы съ предрасудками; шальные люди шальными деньгами ихъ культивировали и въ скромную закулисную полуголодную жизнь ворвались смѣлые, опытные, нарядные люди съ громадными аппетитами...

Сколько я встрѣчалъ въ театрѣ загубленныхъ представителей шальныхъ денегъ дѣвушекъ, но виновниковъ ихъ гибели никогда и никто публично не казнилъ, они держали на службѣ высоко свое знамя и громили съ кафедръ пороки... Сколько я видѣлъ слезъ и спившихся актеровъ, у которыхъ отняли женъ и дочерей, и они погибали подъ заборомъ, не находя себѣ пристанища и сочувствія у тѣхъ, кто загубилъ ихъ жизнь, отнявъ надежду и вѣру въ людей... Но объ этихъ убійствахъ никто не поднималъ публично вопроса, и никого не казнили...

Между тѣмъ, стоитъ артисту Фигнеру столкнуться съ инженеромъ — объ этомъ обыденномъ эпизодѣ плютъ телеграммы во всѣ концы міра. Начинается публичная травля. Въ Симферополѣ актеры подрались съ рецензентомъ — телеграммы. Необычайное происшествіе!.. Изъ-за актера Боброва застрѣлилась дѣвушка — единодушное воззваніе къ обывателю казнить актера, призывая къ участію въ скандалѣ всѣхъ присутствующихъ, желающихъ и нежелающихъ! Если пересмотрѣть „формуляры жизни“, то еще вопросъ, будетъ ли, въ концѣ концовъ, кому протестовать и изобрѣтать спеціальныя законы для актеровъ...

Представителямъ печатнаго слова слѣдуетъ глубже отнестись къ положенію актера, снисходительнѣе къ его общечеловѣческому проступкамъ, и не призывать публику къ самосуду надъ представителемъ сценическаго искусства, памятуя, что и палка о двухъ концахъ. Жестоко. Несправедливо.

В. Далматовъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Въ Воскресенье 1-го октября сего года, въ 1 часть дня, въ фойѣ Александринскаго театра, состоится общее собраніе членовъ театральнаго Общества.

Программа занятій: 1. Объявленіе о послѣдовавшемъ 22-го іюля сего года Высочайшемъ Его Императорскаго Величества Государя Императора соизволеніи на назначеніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергія Михайловича Президентомъ Общества.

2. Предложеніе Совѣта о созывѣ 2-го Всероссийскаго Съѣзда сценическихъ дѣятелей, во время Великаго поста 1901 года, въ Москвѣ, на основаніяхъ бывшаго тамъ въ 1897 году 1-го Всероссийскаго Съѣзда сценическихъ дѣятелей.

3. Предложеніе Совѣта объ исходатайствованіи разрѣшенія на назначеніе въ Москвѣ, во время Великаго поста 1901 г., чрезвычайнаго общаго собранія членовъ Общества, для разсмотрѣнія проектовъ новаго устава Общества и устава Союза сценическихъ дѣятелей членовъ Общества.

4. Предложеніе Совѣта объ утвержденіи необходимыхъ измѣненій въ уставѣ справочно-статистическаго Бюро Общества.

5. Проектъ временныхъ правилъ на выдачи ссудъ сценическимъ дѣятелямъ, членамъ Общества, выработанный Совѣтомъ, согласно постановленію общаго Собранія 16-го января 1900 г.

Желающіе предварительно ознакомиться съ тѣми измѣненіями, которые Совѣтъ находитъ необходимымъ ввести въ уставъ справочно-статистическаго Бюро Общества, а также съ проектомъ временныхъ правилъ на выдачи ссудъ сценическимъ дѣятелямъ членамъ Общества — благоволятъ обращаться въ Канцелярію Совѣта (Караванная, 9).

Въ случаѣ неприбытія опредѣленнаго § 37 устава числа членовъ Общества, общее Собраніе переносится на Воскресенье, 8-го октября сего года въ 1 часть дня.

* * *

„Нов. Дня“ энергично на основаніи фактическихъ данныхъ опровергаютъ всѣ слухи объ уходѣ М. И. Ермоловой.

* * *

Новая опера Ю. И. Влейхмана „Принцесса Греза“, пойдеть въ Новомъ театрѣ въ Москвѣ, 27 сентября, при слѣдующемъ распредѣленіи партій: Принцессу Мелиссанду поютъ поочередно г-жи Маркова и Соколовская; принца Жофруа — г. Собиновъ. Рыцаря Бертраана — г. Гончаровъ и Соколовъ и Изумруднаго Рыцаря — г. Раздольскій.

* * *

Оказывается, что та пьеса, точное содержаніе которой было передано всѣми газетами, въ которой участвуетъ ровно одиннадцать самостоятельно дѣйствующихъ лицъ, которая сначала была уничтожена, по вновь возникла изъ пепла, которая уже ренетировалась въ Москвѣ въ Художественно-общедоступномъ театрѣ и которая составитъ нашу гордость и славу и называется „Мѣщане“, — еще не написана. Объ этомъ знаменательномъ и не лишнемъ курьеза событіи сообщаютъ спеціальныя корреспонденціи. Въ утѣшеніе, корреспондентъ добавляетъ, что хотя г. Горькій уничтожилъ черновую рукопись, но „къ будущему сезону возможно, что пьеса будетъ написана“, если во второй разъ не будетъ уничтожена. Вообще, современныя „операции“ съ непанписанными пьесами напоминаютъ петербургское домостроительство: квартиры снимаются по плану несуществующаго дома, и пока строится второй этажъ, первый закладывается въ Кредитномъ Обществѣ.

* * *

Пьеса Чехова „Три сестры“ не поспѣла къ сезону и Художественно-общедоступный театръ замѣняетъ ее „Ивановымъ“. Везетъ Москвѣ съ постановкой еще не написанныхъ пьесъ!

* * *

Въ „Нов. Дня“ напечатана бесѣда съ А. Е. Молчановымъ, находящимся въ настоящее время въ Москвѣ. Новаго для нашихъ читателей въ ней немного. Огмѣтимъ только новое начинаніе Театральнаго Общества. Оно намѣрено воспользоваться организованнымъ при Бюро опернымъ отдѣломъ для содѣйствія пріѣзжающимъ въ Россію иностраннымъ концертантамъ, которые попадаютъ въ руки разныхъ эксплуататоровъ, устраивающихъ концерты. Предполагается поставить это дѣло серьезно, въ интересахъ концертанта: Бюро будетъ снимать залы въ разныхъ городахъ, организовывать концерты, и проч. Впослѣдствіи эту организацию можно будетъ распространить на разныхъ иностранныхъ труппы, даже драматическія.

* * *

Первый танцовщикъ и репетиторъ балета г. Ширавъ назначенъ помощникомъ балетмейстера.

* * *

Открытие «Петербургскаго театра» послѣдуетъ 24 сентября. Театръ заново отремонтированъ. Мебель и декорации новыя, нѣкоторыя изъ-за границы. Аксессуары и бутафорія изъ Берлина. Буфета будетъ два: дамскій и мужской. Составъ труппы: г-жи Тугаринова (др. инж.) Красовская (гр. кокеттъ) Лаврецкая-Черкасова (др. стар.) Легать (ком. стар.) Колосова, Тонская, Кирова (ком. инж.) Лачинова (др. инж.), Сурская, Темирова, Охотина, Гарина, Никитина, Казбичъ (бытовая). Михайловская, Островская и др. гг. Грековъ (ком. резонеръ), Яновъ (др. люб.), Петросианъ—(сильно драм. роли). Гаринъ, Макаровъ-Юневъ, Вестеръ (комики), Августовъ, Гинкуловъ (драм. люб.), Николаевъ-Маминъ (простакъ), Бережной, Евдокимовъ, Островскій, Тугариновъ, Остроленко, Николаевъ и др. Изъ новинокъ предположены къ постановкѣ: «Вій», «Сибирскій Риголетто» Лухмановой, «Любовь и Корона» (графъ Эссексъ) Генриха Лауба, «Скачка съ препятствіями» фарсъ (съ франц.), «Торжество добродѣтели» ком. Виктора Александрова.

* * *

Изъ Москвы намъ пишутъ. Съ назначеніемъ Н. Н. Боголюбова завѣдующимъ музыкальнымъ отдѣломъ Московскаго Бюро, возстановлено, наконецъ, равновѣсіе между драмой и оперой, и смѣло можно надѣяться, что число оперныхъ ангажементовъ черезъ посредство Бюро значительно увеличится. Г. Боголюбовъ обратилъ свое главное вниманіе на укороченіе спроса и предложенія. Особенно важно это относительно оркестра и хора, формирование которыхъ, до сихъ поръ, составляло истинное наказание для антрепренера. Г. Боголюбовымъ заведены списки хористовъ и музыкантовъ изъ всѣхъ провинціальныхъ городовъ. Это особенно важно, такъ какъ до сего времени они избѣгали обращаться къ помощи агентства и Бюро. Было бы крайне желательно, чтобы всѣ хористы и музыканты, свободные и ангажированные сообщали въ Бюро свои адреса, условія и гдѣ служили раньше. Въ настоящее время, въ помѣщеніи Бюро, по вечерамъ происходятъ бесплатныя ансамблевыя оперныя спѣвки, для начинающихъ артистовъ, подъ управленіемъ талантливаго капельмейстера г. Эйхенвальда. Нечего говорить о той громадной пользѣ, которую принесутъ эти занятія молодымъ пѣвцамъ. Вообще, остается благодарить А. Е. Молчанова за оживленіе оперной сцены. Оперныхъ дѣлъ на предстоящій сезонъ очень мало, и много артистовъ останется безъ ангажементовъ.

М.

* * *

«ВЕСЕЛЫЕ РАСПЛЮЕВСКІЕ ДНИ».

Тарелкинъ—г. Далматовъ.

«Расплюевскіе веселые дни». У насъ любятъ готовые выраженія, которыми, какъ штампомъ, выбиваются понятія. Поэтому, съ тѣхъ поръ, какъ три трагедіи графа Алексѣя Толстого дождались постановки, слово «трилогія» пошло въ ходъ. И вотъ, теперь, по поводу постановки третьей пьесы Сухово-Кобылина, оно произносится вновь. А стоитъ ли говорить, что «Свадьба Кречинскаго», «Дѣло» и «Смерть Тарелкина» вовсе трилогіи не составляютъ. Нѣтъ три-

единства настроенія—нѣтъ и трилогіи. Расплюевъ, Вараивъ, упоминаніе о Муромскомъ, —только внѣшнимъ образомъ снабжаютъ эти три пьесы взаимнымъ родствомъ, а точки соприкосновенія замысловъ не создаютъ той художественной связи, которая поражается единствомъ настроенія, плавнымъ развитіемъ того, что можно назвать артистическимъ темпомъ. Съ вами, положимъ, утромъ включился веселый анекдотъ, о которомъ вы будете всегда вспоминать съ невольной улыбкой, а днемъ случилось несчастье, переначивающее всю вашу жизнь. И здѣсь и тамъ, одно и то-же дѣйствующее лицо—вы, но развѣ что-либо можетъ связать, въ вашемъ воспріятіи, два эти случая? Передъ Сухово-Кобылинымъ лежалъ жизненный матеріалъ. Воспользовался онъ имъ для того, чтобы написать прелестную комедію. Затѣмъ, онъ увидѣлъ, что матеріалъ далеко не исчерпанъ: тамъ, гдѣ драматургъ дюжинной силы можетъ быть не напелъ-бы данныхъ для порядочной драмы, Сухово-Кобылинъ обрѣлъ замыселъ одной изъ наиболѣе сильныхъ трагедій, какая только бывала на сценѣ. Въ «Дѣлѣ» онъ далъ мощь Шекспировскаго настроенія, начерталъ безсмертныя фигуры, подарилъ литературѣ діалоги поразительной технической отчетливости. Въ «Свадьбѣ Кречинскаго» сказалась его ироническая наблюдательность, въ «Дѣлѣ» —наболѣвшая душа... Но оставался еще въ немъ юморъ, какъ-бы залежи неизрасходованной веселости, благодаря которой, словно изъ стружекъ, валавшихся около станка послѣ обширной работы, Сухово-Кобылинъ составилъ пьесу «Смерть Тарелкина», нынѣ нѣсколько переделанную и идущую подъ заглавіемъ «Веселые Расплюевскіе дни». Не связывайте этой пьесы съ предыдущими, не ставьте ихъ рядомъ, не воображайте, что это—заключительный аккордъ. Отъ скрипки и арфы, авторъ, шутя, перешелъ къ балалайкѣ, но не безтолково на ней бречитъ. Онъ написалъ фарсъ, невѣроятный, сбивающій съ толка, какъ самыя крайнія измѣненія Козьмы Пруткина. Здѣсь не рисунокъ, а каррикатура, набросанная рукою художника. Какъ ни нарядилъ онъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, какъ ни заставляетъ ихъ ломаться, а все-таки изъ-подъ ихъ шутовскихъ нарядовъ проглядываетъ жизнь. Въ этой карриктурѣ больше правды, чѣмъ въ тщательно выполненной фотографіи. Пусть нѣкоторыя грубости излишни, пусть положенія невѣроятны, но рисунокъ, въ общемъ, таковъ, что обличаетъ первостепеннаго мастера. Разумѣется, не «Смертью Тарелкина» приобритетъ себѣ авторъ право на незабвенность. Но тотъ, кто написалъ «Дѣло», можетъ и пошутить, не удивляясь тому, что мы къ его шуткѣ относимся внимательнѣе, нежели онъ самъ.

Прозаикъ.

* * *

На истекшей недѣлѣ въ театрѣ Литературно-художественнаго общества для перваго выхода г-жи Домашевой 2, была возобновлена комедія покойнаго Пальма «Нашъ другъ Неклюжевъ», написанная, повидимому въ два—три присѣста и лишенная всякаго психологическаго правдоподобія. Роль Наташи, въ которой выступила г-жа Домашева, тѣмъ не менѣе, очень выигрышная и «симпатичная», какъ говорится на театральномъ жаргонѣ. Молодая артистка имѣла большой успѣхъ послѣ 3 акта и обнаружила хорошія сценическія данныя, которыя, можно надѣяться, обезпечатъ ей успѣхъ и въ будущемъ. Г-жа Домашева выступила также въ «Разгромѣ» П. П. Гнѣдича, возобновленномъ въ новой редакціи. Къ новой редакціи послѣднее дѣйствіе «Разгрома» происходитъ не на бивуакѣ, а въ комнатѣ, гдѣ умираетъ Антушевъ и куда прибываетъ Наполеонъ. Новая редакція показала намъ болѣе условной, нежели старая, и не столь живописной.

Наиболѣе сборы даетъ «Смерть Тарелкина» и идущая съ этою пьесой комедія «Матернине», неуклюже переделанная покойнымъ Тарновскимъ на русскіе нравы, подъ названіемъ «Каково вѣтеса, таково и мелется». Цеховые драматурги умѣли въ былое время сочинять нелѣпыя названія,—надо согласиться съ этимъ. Пьеса очень живо и весело разыгрывается артистами.

* * *

Г. Орленевъ подписалъ контрактъ съ г. Коршемъ. Репертуаръ извѣстный—«Преступленіе и наказаніе», «Братья Карамазовы», «Возмездіе» и «Дорензачіо».

* * *

Составитель словаря музыкальных дѣятелей П. П. Веймарнъ, проситъ всѣхъ проживающихъ въ Россіи композиторовъ, артистовъ, музыкальных критиковъ, издателей, педагоговъ и другихъ музыхъ дѣятелей прислать ему ихъ подробныя автобиографическія свѣдѣнія не позже 1 ноября сего года (при чемъ желательны также и фотографическія карточки съ подлинными автографами) по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Кабинетская ул.; д. № 22, кв. 11. П. П. Веймарну.

* * *

Нами получено любопытное письмо, касающееся похождения г. Дальскаго.

«Поѣздка г. Дальскаго, пишетъ нашъ корреспондентъ, это—своего рода шествіе Мамая». Сказано сильно, но фактъ о которомъ сообщаетъ корреспондентъ, дѣйствительно единственный въ своемъ родѣ. Оказывается, что за поѣздку г. Дальскаго вышло 32 человѣка. Если вѣрить корреспонденту, за полчаса до отъѣзда объявлялось, что такой-то дальше не ѣдетъ.

Неужели это правда?

* * *

22-го сентября режиссера Московскаго Малаго театра Черневскаго, постигъ апоплексическій ударъ. Положеніе его очень серьезное.

* * *

«Новости» передаютъ, что Петербургское Попечительство о народнои трезвости рѣшило устроить конкурсъ на премію за лучшее драматическое произведение для народа.

Дѣло хорошее. Но все-ли достойное въ имѣющемся репертуарѣ исчерпано Попечительствомъ?

* * *

«ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ». Въ Михайловскомъ театрѣ 15 септября поставили «въ первый разъ по возобновленіи» «Плоды Просвѣщенія». Повидимому, въ нынѣшнемъ сезонѣ система правильнаго «раздѣленія труда» между Александринскимъ и Михайловскимъ театрами оставлена, и въ обоихъ театрахъ будутъ ставить пьесы и оригинальныя, и переводныя. Я не могу согласиться съ тѣмъ, что эта система, будто-бы лучше прежней. Не хуже-ли? Если неизбежно зло существованія двухъ сценъ съ одной труппой,—а это зло большое,—то удобнѣе одну изъ сценъ превратить въ специальную, постепенно создавал для нея публику. Въ смыслѣ сборовъ, выгоды новой репертуарной системы также сомнительны: поднимутся сборы Михайловскаго театра, упадутъ — Александринскаго, и если не будетъ недовыручки, то едва-ли въ итогѣ окажется перевыручка.

«ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ»

Старый поварь.

(Г. Шаповаленко).

Вообще, дѣло совершенно ясно: нельзя одновременно сидѣть на двухъ стульяхъ. Задача художественнаго театра заключается въ томъ, чтобы представить пьесу наилучшимъ образомъ. Режиссеръ, по своему разумѣнію, поручаетъ каждую роль наилучшему и наиболѣе пригодному исполнителю. Не можетъ быть двухъ наилучшихъ исполнителей, такъ чтобы, напримеръ, если одинъ наилучшій занять въ Михайловскомъ театрѣ, то другого можно занять въ Александринскомъ; и наоборотъ. Или должны существовать двѣ разнообразныя труппы, совершенно самостоятельны и для разныхъ репертуаровъ составленныя, или не должно существовать двухъ сценъ. Нынѣшній порядокъ вещей—фальшивый, въ самой основѣ. Это, быть можетъ, система хозяйственная, экономическая (хотя я и въ этомъ сомнѣваюсь), но никакъ не художественная и не искренняя въ артистическомъ смыслѣ. Дирекція театра только тогда можетъ быть спокойна въ сознаніи исполненнаго долга, когда ова сдѣлала все отъ нея зависѣвшее, и дала все, что могла по своимъ средствамъ. Но когда, хотя одного актера, который былъ-бы уместенъ въ Александринскомъ театрѣ, припрятали и переместили въ Михайловскій, лишивъ тѣмъ публику частицы

возможнаго художественнаго наслажденія — это отзывается своскоростіемъ антрепризы, а не безкорыстіемъ художественнаго учрежденія.

Что-же получается въ результатѣ? При труппѣ въ 92 человѣка, ансамбля нѣтъ ни въ одномъ, ни въ другомъ театрѣ, существующей амплуа не замѣнены, и исполненіе каждой пьесы разжижено посредственными исполнителями. При труппѣ въ 92 человѣка мудрено требовать расширенія штатовъ, а между тѣмъ ясно, что нынѣшніе штаты и недостаточны, и не правильно составлены. При труппѣ изъ 92 человѣкъ нельзя, напримеръ, поставить «Женитьбу» Гоголя, потому что нѣтъ Агафьи, «Грозы», потому что нѣтъ Катерины, «Цѣны жизни», потому что нѣтъ Клавдіи. Нѣтъ драматической старухи, нѣтъ фата, нѣтъ драматическаго героя. Есть за то шесть комиковъ. Правда, при двухъ сценахъ они не лишніе, но зачѣмъ-же двѣ сцены, и по три комика на каждой, когда и на одной-то сценѣ не всякая пьеса «основного репертуара» можетъ разойтись.

Обо всемъ этомъ я думалъ, смотря «Плоды Просвѣщенія». Мужики были слабо представлены гг. Медвѣдевымъ, Осокинымъ и Ремезовымъ. Г. Давыдовъ, въ первое представленіе «Плоды просвѣщенія», прекрасно изображавшій 3 мужика, игралъ Звѣздинцева вмѣсто покойнаго Свободина. По моему, совершенно напрасно. Роль Звѣздинцева могъ бы сыграть кто нибудь другой, ну, напримеръ, г. Черновъ, 3-же мужикъ представлялъ, въ нѣкоторомъ родѣ, символъ пьесы. Это — въ зачаточномъ состояніи «святая простота» и «афазія» Акима изъ «Власти Тьмы». Г-жа Немирова-Ральфъ, показала мнѣ, послѣ г-жи Абаринской играла съ ужимками и въ рутинномъ тонѣ. Это «дѣланье тона» — результатъ сибирской провинціальной работы, по моему надѣется, что оно современемъ пройдетъ. Г-жа Потоцкая играла французскую субретку, вмѣсто Тани. Я не видѣлъ, почему Таня тяготеетъ всѣмъ существомъ своимъ къ міру деревни и питаетъ такую нѣжную родственную любовь къ мужикамъ. Акустика Михайловскаго театра очень плоха и нѣкоторые исполнители плохо соображались со специальными условіями этой зрительной залы. Мѣстами понижали тонъ, и какъ разъ къ концу, «подъ запавъ». Таковъ финалъ сцены на кухнѣ, хотя и г-жа Левикова, и г. Шаповаленко—поварь, сами по себѣ прекрасные исполнители. Что это значитъ? Мнѣ думается, это значитъ, что темныя пьесы взяты были невѣрно, излишне тягуче и медленно. «Плоды Просвѣщенія» прежде всего веселая комедія, и играть ее нужно весело, бойко и живо.

Очень хороши г-жа Жулева, г. Лепскій — профессоръ, г. Ридаль-Петрищевъ, оба лакеи гг. Шевченко и Панчинъ и нѣк. др. Тѣмъ досаднѣе, что благодаря тягучему темпу и отсутствію главныхъ героевъ пьесы—просвѣщенной деревни, сіяющей въ просвѣщенной тѣмѣ—«Плоды Просвѣщенія» пропали не такъ, какъ этого можно было ожидать.

Нотъ novus.

* * *

«Мефистофель», опера Арриго Бойто, — удостоился возобновленія на Маринской сценѣ. Объяснить, почему именно этой оперѣ выпала такая счастливая доля—я не берусь. Выбираютъ оперу, надо полагать, изъ числа имѣющихъ достоинства. Но тогда выходитъ, что изъ всѣхъ выброшенныхъ изъ репертуара оперъ «Мефистофель» оказался самымъ цѣннымъ и невинно пострадавшимъ. А «Вражья сила», «Мазепа», «Орлеанская дѣва» и т. д. и т. д. оказались не заслуживающими снисхожденія и имъ оставлена пренебрежительная надежда на то, что ихъ будутъ имѣть въ виду. Словомъ—продолженіе очень старой исторіи о томъ, что на русской сценѣ русская оперная музыка робко вторитъ иностранной.

Опера Арриго Бойто принадлежитъ къ разряду произведений, рассчитанныхъ на grand spectacle, а проще сказать — къ операмъ съ большою ролью для машинистовъ. Что за просторъ, дѣйствительно, для установки такихъ, эдакихъ и сякихъ машинъ, блоковъ, фонарей и даже прибора для рваной бумаги, которой посыпаютъ съ примѣсю колосниковой пыли, бродячаго старца Фауста и изумленнаго этой невидалью браваго Мефисто!

Такіе машинные приемы очень удобны для композитора, они избавляютъ его отъ необходимости гравировать перо надъ придумываніемъ музыкальной иллюстраціи. Къ чему она? Машинистъ навинтитъ пару колесъ да шестерку и на сценѣ пойдутъ писать такая губернія, что зритель забудетъ про всякую музыку и ахнетъ въ восхищеніи. Отъ чего?—отъ хорошо дѣйствующихъ колесъ, отъ эффектовъ машиниста и декоратора. А музыка?—музыка—это такъ; что-то такое играютъ въ это время, но разобрать ничего нельзя.

Подобной чертовщины въ почтенной партитурѣ Бойто достаточно количество.

Тѣмъ не менѣе при хорошихъ условіяхъ, т. е. при наличности хорошихъ машинистовъ, электротехниковъ и декораторовъ, чѣмъ наша сцена можетъ похвастать, опера эта способна привлекать публику, не задающуюся размышленіями о

Г-жа Гладкая.

(Къ первому выходу въ Маринскомъ театрѣ).

задачахъ искусства и любящую посмотреть на диковинную обстановку. Pretaerea senso, что вмѣсто «Мефистофеля» можно было-бы найти кое-что и поинтереснѣе.

Главный интересъ въ составѣ артистовъ, явившихся исполнителями партитуры Бойто, сосредоточивается на Мефистофелѣ—г. Антоновскомъ. Партія Мефистофеля написана очень неудобно. Она требуетъ исключительныхъ вокальных средствъ—большого діапозона и сильнаго центра.

Въ этомъ отношеніи г. Антоновскій вполне подходящий пѣвецъ. Голосъ громадной звучности и обширнѣйшаго діапозона. Но къ сожалѣнію, долженъ сказать, что иной разъ талантливый артистъ злоупотребляетъ силой своихъ легкихъ и выносливостью голосовыхъ связокъ—вслѣдствіе чего получается однообразное громкое пѣніе и утрачивается, благодаря постоянному напряженію, красота звука. Въ сущности говоря, въ этой партіи есть два момента, когда артисту исполнителю, нужно дать всю силу имѣющейся у него звучности—въ сценѣ въ кабинетѣ Фауста, гдѣ сатанинскій хохотъ Мефистофеля долженъ быть оглушительнъ и въ сценѣ шашка на Брокенѣ, гдѣ сила Вельзевула должна быть подчеркнута. Во всѣхъ остальныхъ выходахъ Мефистофеля совершенно излишне пѣть все время во всю мочь. Увы! Это чисто отечественная манера! Надѣлилъ Господь силой, такъ слѣдовательно и жаръ во всю и не давай ни отдыху, ни сроку. Пусть чувствуютъ! А на самомъ дѣлѣ въ этомъ-то и прокуха. Именно вслѣдствіе однообразія и утрачивается у слушателя способность распознать: что это—очень сильно или не очень? Эффектъ г. Антоновскаго былъ бы колоссаленъ, если-бы онъ показывалъ богатырскую силу своего голоса лишь по временамъ. Красоту этихъ яркихъ бликовъ слушатель-бы долго помнилъ, а теперь передъ нимъ сплошная яркая полоса—что нѣсколько утомительно.

Въ смыслѣ игры г. Антоновскій былъ очень хорошъ. Много красивыхъ движеній—пластичныхъ и разнообразныхъ, горячность веденія роли, эффектная внѣшность и умѣние носить костюмъ. Успѣхъ г. Антоновскаго былъ большой, чего нельзя сказать объ успѣхѣ оперы, вообще, и прочихъ исполнителей, въ частности.

Г. Давыдовъ—Фаустъ просилъ сдѣлать анонсъ съ просьбой «о снисхожденіи по нездоровью». Въ сущности говоря, пора-бы это оставить. Прежде всего эти заигрыванія съ публикой не приносятъ никакихъ результатовъ. Если артистъ поетъ дурно, то публика безо всякаго снисхожденія заявлять, что это спѣто скверно. А почему—ей это рѣшительно все равно. А вѣдѣмъ эти разрѣшенія дирекціи на холатайства передъ публикой о милостяхъ, порождаютъ среди артистовъ эпидемическую болѣзнь—просить снисхожденія.

Утромъ артистъ чихнетъ два раза, а къ вечеру въ корридорахъ плакаты «о снисхожденіи». Иной артистъ имѣетъ тутъ умыселъ другой. Пусть публика думаетъ, что онъ боленъ, а у самого голоса чистъ какъ стеклышко. А въ результатѣ: пѣлъ очень хорошо, несмотря на нездоровье—такъ думаетъ публика.

Г. Давыдовъ, впрочемъ, пѣлъ не хорошо. Что думала публика, я не знаю, но самые выигрышные мѣста своей партіи, дуэтъ съ Маргаритой и арію дьявола, артистъ провелъ безцвѣтно. Г. Давыдовъ не владѣетъ mezzo-voce, а между тѣмъ и для дуэта «Далеко, далеко»... и для заключительной аріи это необходимо. Въ ансамбляхъ (квартетъ въ саду) и въ дуэтѣ съ Мефистофилемъ г. Давыдова совсѣмъ не было слышно,—быть можетъ по причинѣ его нездоровья. Вообще, сравненіе съ г. Фигнеромъ напрашивалось какъ-то невольно и было не въ пользу г. Давыдова.

Г-жа Куза—Маргарита—Елена—провела сцену въ саду,—между прочимъ это одна изъ скучнѣйшихъ сценъ оперы,—заключительную сцену въ классической ночи—хорошо, какъ по игрѣ, такъ и въ смыслѣ пѣнія. Нельзя того же сказать про сцену въ тюрьмѣ, гдѣ артистка не производила впечатлѣнія несчастной помѣшанной Гретхенъ. Мило прошелъ дуэтъ въ Атикѣ. Г-жа Носилова вторила г-жѣ Кузѣ вполне исправно. Хоръ, мѣста которому въ оперѣ отведено довольно много, пѣлъ хорошо. Къ сожалѣнію, въ прологѣ его ставятъ черезъ-чуръ близко къ занавѣсу. Эффекта отъ этого очень мало. По партитурѣ хоръ долженъ пѣть въ небесахъ, а слѣдовательно впечатлѣніе должно быть голосовъ поющихъ изъ далека. Оркестръ подъ управленіемъ г. Бауменфельда погромыхивалъ и временами обнаруживалъ желаніе распозлѣться. Управлять оркестромъ, конечно, трудно, противъ этого никто не возразитъ, но только все-же желательно было-бы видѣть большую стройность и болѣе вниманіе къ пѣвцамъ. По истинѣ нужно было имѣть опытность г. Антоновскаго, чтобы благодаря г. Блуменфельду не сбиться въ очень трудныхъ вступленіяхъ въ прологѣ.

Остановка оперы очень хороша и производитъ пріятное впечатлѣніе. Но, Бога ради, пусть уберутъ изъ классической ночи этихъ четырехъ мальчугановъ, облеченныхъ въ бѣлые кальсоны и козловые полуботинки, этихъ четырехъ непонятно что изображающихъ «клопышей», которые ходятъ, поднимая до носу ноги!

Б. М. Соловьевъ.

* *

Г. Антоновскій.

(Къ первому выходу въ Маринскомъ театрѣ).

«Иоаннъ Лейденскій», возобновленный 19 сентября на Мариинскій сценѣ, одна изъ эффектистѣйшихъ оперъ. Зрителя то и дѣло бросаетъ въ жаръ и въ холодъ, отъ умиленія къ ужасу, отъ молитвенныхъ настроеній къ взрыву страстей и проклятіямъ. Въ эту непрерывную смѣну контрастовъ и либреттистъ, и композиторъ вложили столько мастерства, смѣлости и фантазіи, обнаружили такое знаніе сцены и публики, какъ могли это сдѣлать только Скрибъ и Мейерберъ. Все это сценично и эффектно въ высшей степени, но вмѣстѣ съ тѣмъ и театрално въ дурномъ смыслѣ, все—показное, а не искреннее, все—«театръ», а не «искусство». Мейерберъ одареннѣйшій музыкантъ, но, по слову, ради краснаго слова не пожалѣлъ и родного отца и принесъ въ жертву успѣху языкъ сердца,—музыку. Въ цѣломъ оперы Мейербера являються блестящими произведеніями искусства, но не «святого» искусства. Вотъ гдѣ корни отрицательнаго отношенія къ этой музыкѣ идеалистовъ Шумана и Вагнера, требовавшихъ именно высоты и святости въ искусствѣ. Но по отношенію къ большой публикѣ Мейерберу еще долго суждено быть ея властелиномъ.

Давая благодарнѣйшій матеріалъ исполнителямъ, «Иоаннъ Лейденскій» требуетъ отъ нихъ прежде всего смѣлости, умѣнія вѣять «возможну дѣнь» эффектовъ. Вотъ почему дарованіе г. Фигнера очень подходитъ къ заглавной роли, хотя голосъ его и не могъ выдержать убійственно высокой тесситуры партии. Нынѣшній его замѣститель, г. Ершовъ, въ вокальномъ отношеніи болѣе на мѣстѣ, благодаря рѣдкой выносливости своего тенора (усталость чувствовалась мѣстами лишь въ пятомъ актѣ), но въ созданномъ имъ образѣ не было главнаго,—героизма. Вобщемъ, исполнители нашей оперной сцены не отличаются гибкостью дарованія, они хороши обыкновенно тамъ, гдѣ партія къ нимъ подходитъ. Это относится и къ дарованію г-жи Михайловой, обладающей чистымъ и легкимъ голосомъ, мило исполнившей роль Берты, и къ г. Серебрякову, бывшему, по обыкновенію, приличнымъ, и только. Исключеніе составляетъ г. Шароновъ (графъ Оберталь), сдѣлавшій замѣтные успѣхи и проявившій въ передачѣ много свободы. Настоящая сила чувствовалась только у г-жи Славиной—Фидель, но часто детонированіе способно отравить всякое удовольствіе. Въ дуэтѣ четвертаго дѣйствія, идущемъ почти безъ аккомпанимента, г-жа Славина успѣла понизить чуть не на полтона ниже оркестроваго сопраножеланія, и г-жу Михайлову, щеголющую обыкновенно чистой интонаціей. Лишь пятое дѣйствіе было по голосу г-жѣ Славиной. Вялой ритмикой и детонированіемъ портилъ ансамбль г. Угрюновичъ. Безвѣстно въ цѣломъ, а въ переводѣ дѣйствія и нестройно провелъ оперу г. Крушевскій. Хоры и оркестръ были, какъ всегда, хороши. Что касается постановки, то «казеннаго великолѣпія» было болѣе, чѣмъ достаточно. Г. Ершовъ получилъ корзину цвѣтовъ.

И. Э.

* * *

Намъ доставленъ отчетъ лѣтней оперной поѣздки перваго русскаго товарищества артистовъ Императорской Петербургской и Московскаго оперы.

Дѣятельность товарищества началась съ 11-го мая, въ Воронежѣ, въ лѣтнемъ театрѣ Эрмитажъ. Товарищество состояло изъ слѣдующихъ лицъ: артистки—М. А. Дубровская-Эйхенвальдъ, Е. В. Де-Востъ-Соболева, А. И. Кунцева, А. А. Кутузова-Зеленая, Н. И. Цинани-Панафутина, Е. М. Деканова, А. М. Михайлова; артисты—Г. А. Морской, М. М. Рѣзуновъ, Н. М. Софоновъ, А. В. Смирновъ, В. Я. Майборода, Н. С. Климовъ, Б. Б. Амирджанъ (выбылъ 7-го августа), Н. Н. Ноле (выбылъ по болѣзни 14 іюня), К. Т. Серебряковъ (выбылъ 5-го іюля), Д. Н. Бухтояровъ, (вступилъ въ товарищество съ 24-го іюля), П. Д. Орловъ (выбылъ 25 мая). Капельмейстеръ В. І. Зеленый, режиссеръ Н. Н. Боголюбовъ, хормейстеръ О. В. Оскнеръ, помощники режиссера В. І. Шастанъ. Хоръ 22 человѣка, оркестръ изъ 25 человѣкъ, балетъ въ поѣздкѣ 2 пары. Костюмы московской мастерской Зарайскаго. Всѣ безъ исключенія члены товарищества служили на маркахъ. Дѣятельность товарищества выразилась слѣдующимъ образомъ. Въ Воронежѣ дано было 25 спектаклей, Ксзловѣ 6, Пензѣ 6, Самарѣ 6, Симбирскѣ 6, Саратовѣ 3, Царицынѣ 2, Астрахани 4, Царицынѣ еще 1, въ Кисловодскѣ съ 23-го іюля, дано было 18 спектаклей, а всего по 14 августа, дано было 77 спектаклей. Материальная сторона дѣла выразилась слѣдующимъ образомъ: всего было взято 41897 руб. Главныя статьи расходовъ слѣдующія: жалованье хору, оркестру, балету, капельмейстеру, режиссеру, распорядителю, и другимъ служащимъ на гарантiroванномъ жалованьи, за все лѣто, 13900 р. Выдано гг. членамъ товарищества 8182 р., наемъ театровъ 669 р., дорожныя служащимъ и перевозки всей труппы 4355 р., прокаты костюмовъ и перевозка ихъ 1600 р., гастроли (только въ Кисловодскѣ) 1320 р., авторскія 1177 р. (взимались въ увеличенномъ размѣрѣ), прокаты оркестровокъ и перевозка 553 р., выдѣлены бенефицы 321 р., телеграммы 225 р., предварительные расходы, поѣздки, приобретено имущества, конторскія принадлежности, афиши, нарядъ полиціи и прочіе мелкіе расходы составили сумму въ 4195 р. Такимъ образомъ всѣ принятыя товарище-

ствомъ обязательства, были въ точности исполнены, жалованье служащимъ было уплачено сполна, въ чемъ имѣются у меня собственноручныя расписки, были отосланы изъ Царицына въ Москву костюмы, и изъ Кисловодска оркестровки за счетъ товарищества.

Распорядитель товарищества, оперный артистъ.

М. М. Рѣзуновъ.

* * *

Въ послѣднихъ числахъ сентибря исполнится тридцатилѣтне общественно-литературной дѣятельности редактора газеты «Новости» — О. К. Нотовича. Между прочимъ, въ 1870 г. г. Нотовичъ выступилъ съ драматическимъ произведеніемъ «Бракъ и Разводъ», и съ тѣхъ поръ остался вѣренъ театру, время отъ времени выступая то съ самостоятельными драматическими произведеніями, то съ передѣлками.

* * *

Фарсъ. Современный фарсъ — прямое порожденіе «натуралистическаго» направленія въ литературѣ. Все вертится вокругъ адюльтера и чувственности: удовлетвореніе послѣдней и составляетъ то, что въ драматическихъ произведеніяхъ называютъ обыкновенно драматическимъ «паосомъ».

Плумный успѣхъ «Нана» породилъ и театральныя подражанія, и на смѣну старинному воденію «съ переодѣваніемъ», явился фарсъ «съ раздѣваніемъ». Обыкновенныя дѣйствующія лица въ нихъ, это глуповатый мужъ, съ наклонностями селадона, «нана-туристическая» жена, безвѣстный другъ дома и кокетка. Послѣдняя, благодаря эффектамъ «раздѣванія» и шикъ нынѣшнихъ «dessous», которые должны быть и «trou-blants», и «suggestifs» занимаютъ обыкновенно даже первенствующее мѣсто. Впрочемъ, это и реально. Если на сценѣ безперемонно снимаетъ юбки и корсажъ какое-либо «милое, но погибшее созданіе», то въ этомъ мало несуразнаго: таково уже назначеніе этихъ «милыхъ созданий».

Изъ пяти новыхъ фарсовъ («Музыка Леонтина», «Приключенія fin de siècle», «M-me Корали и К^о», «Скуча Сосель» и «Тройственный союзъ»), поставленныхъ по открытіи въ театрѣ Фарсъ, въ трехъ первое мѣсто отводится именно кокеткамъ. Около нихъ и происходитъ всевозможная, а чаще—невозможная qui pro quo, описать которая, во-первыхъ, трудно, а во-вторыхъ, едва ли прилично. Поговоримъ лучше о труппѣ, значительно обновленной.

Покойнаго С. К. Ленни должны якобы замѣнить гг. Пальмъ и Бринскій. Г. Пальмъ въ фарсахъ, какъ говорится, полтинился. Той небрежности и хилатности, которая пр. являя оны въ послѣднее время въ опереткѣ, пока какъ будто незамѣтно. Играетъ оны выдержанно, насколько это возможно въ фарсѣ. Его часто вывозитъ природное остроуміе. Во всякомъ случаѣ, г. Пальмъ — полезное пріобрѣтеніе для труппы.

Зато весь комизмъ г. Брянскаго, на котораго дирекція возлагала столько надеждъ, заключается въ безпорядочномъ метаніи по сценѣ, да въ усиленномъ хлопаньи себя по бедрамъ и животу. Пускаетъ оны въ ходъ иногда и кулаки. Почти тоже приходится сказать и о г. Гриневѣ, пономѣ простакѣ труппы. У него нѣтъ необходимой для фарса легкости діалога. Вдобавокъ оба артиста не учтъ ролей. Живъ и весело играетъ г. Линаръ, опять приглашенный въ труппу, хотя вѣдь-то безпрестанно дрыгаетъ правой ногой и подергиваетъ плечомъ.

Теперь—о женскомъ персоналѣ. Г-жа Кручинина — «une blonde, une blonde que l'on connaît», какъ говорится у Мюссе. Она очень бойко раздѣвается на сценѣ, приподнимаетъ «dessous» — но это едва ли относится къ искусству. Г-жа Асенкова — тоже милостивая женщина, но актриса очень слабая, и разобрать, что она говоритъ, труднѣе, чѣмъ разсмотрѣть, что она показываетъ.

Такимъ образомъ, старые знакомцы — г-жи Варламова и Грановская, и гг. Сабуровъ, Горинъ-Горяиновъ, Казанскій и Фокинъ, имѣвшіе успѣхъ въ первыхъ спектакляхъ—остаются опорой труппы.

Въ общемъ, однако, какъ скучно, какъ поразительно скучно!..

Вл. Л—ій.

* * *

Правленіе Общества взаимопомощи приказчиковъ г. Екатеринодоара обращается къ намъ съ просьбой дать мѣсто слѣдующему заявленію.

Зимняго театра въ г. Екатеринодоарѣ нѣтъ, изъ всѣхъ существующихъ въ городѣ годныхъ для театралныхъ и т. п. представлений самое удобное — залъ общества приказчиковъ. Онъ обладаетъ сравнительно удобной сценой со многими декорациями, электрическимъ освѣщеніемъ и т. д. Полный сборъ достигаетъ 300 руб. по обыкновеннымъ цѣнамъ. Означенный залъ желающіе могутъ арендовать какъ на нѣсколько вечеровъ, такъ и на весь сезонъ. За подробными условіями просятъ обращаться въ Правленіе Общества, помѣщающагося на Карасунской улицѣ въ д. Виноградскаго.

* * *

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ *mise en scène* «Преступления и наказанія» Я. А. Дельера,—изданіе нашего журнала.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Болѣзнь М. Н. Ермоловой заставила измѣнить предполагавшійся репертуаръ. Другое, что волнуетъ теперь нашу сцену, это недостатокъ *ingenues dramatiques*; говорятъ, завѣдующій репертуаромъ г. Нелидовъ будетъ командированъ въ провинцію, чтобы восполнить этотъ недостатокъ приглашеніемъ какой-либо хорошей провинціальной артистки. Постановка «Ромео и Джульетты», предполагавшаяся въ концѣ сентября, замедлилась потому, что, какъ увѣряютъ, въ труппѣ никакъ не могли найти исполнительницы для главной роли. Въ результатѣ, говорятъ, роль отдана г-жѣ Юдиной, служившей пока лишь библіотекаршей Малаго театра. Почему нельзя было предложить эту роль, напримѣръ, г-жѣ Селиганаовой, успѣвшей заявить себя на сценѣ Новаго театра, или г-жѣ Садовской 2-й? 21-го сентября идетъ въ первый разъ драма «Вѣчная любовь», не особенно глубокая по замыслу, но все-же интересная. Въ главныхъ женскихъ роляхъ будутъ дублировать г-жи Яблочкина и Селиванова, Музиль и Таирова, въ мужской главной г-г. Ильинскій и Рыжовъ; довольно значительна и роль г. Макшеева.

Въ театрѣ Корпа пользуется успѣхомъ «Сирано де-Бержеракъ», прошлая постановка котораго въ этомъ театрѣ возбудила, какъ извѣстно, много толковъ, не совсѣмъ лестныхъ для дирекціи. Прежде всего достойна похвалы режиссерская часть: массовыя сцены, группы, декорации и проч. удачны и характерны и служатъ нагляднымъ доказательствомъ пользы, полученной театромъ отъ приглашенія режиссеромъ опытнаго и даровитаго г. Синельникова. Изъ отдѣльныхъ исполнителей слѣдуетъ, конечно, прежде всего отмѣтить г. Соколова, давшаго интересное изображеніе Сирано. Г-жа Миткевичъ отличилась Роксана. Среди другихъ исполнителей отмѣчу изъ нихъ г. Попова, типично и безъ шаржа играющаго кондотера Рагно. 22-го сентября состоится бенефисъ г. Сашина, въ который пойдетъ въ первый разъ драма Джероламо Роветта «Друзья» въ переводѣ г-жи Гриневской.

* * *

Къ сезону въ провинціи.

Харьковъ. 18 сентября состоялось открытіе сезона въ городскомъ театрѣ. Для перваго спектакля шли «Женитьба Бѣлугина». Изъ новыхъ для Харькова артистовъ выступили г-жа Турчанова и Блюменталь-Тамарина и гг. Лепковский, Глюске-Добровольскій. Мѣстная печать о нихъ отзывалась благопріятно. Такъ, про г. Лепковского пишутъ: «У него есть данныя для хорошаго, вполнѣ прочувствованнаго и продуманнаго исполненія роли Бѣлугина и онъ блестяще воспользовался этими данными, сразу захвативъ публику и искренностью тона, и типичностью изображаемаго лица». Во второмъ спектаклѣ («Горе отъ ума») выступилъ въ роли Чацкаго г. Добровольскій, должнствующій замѣнить любимца мѣстной публики г. Самойлова. Публика встрѣтила молодого артиста шиканьемъ,—вѣроятно, потому, что онъ выступилъ въ излюбленной роли г. Самойлова. Однако газеты находятъ, что исполненіемъ роли Чацкаго, г. Добровольскій сумѣлъ показать, что онъ—умный и добросовѣстный артистъ съ задатками несомнѣннаго дарованія. Неодобрительны отзывы только о г-жѣ Кадминой.

Нострома. Драма. Товарищество, подъ управл. Д. А. Бѣльскаго. Составъ труппы: г-жи Н. И. Алинская, Л. В. Барканова, А. А. Бѣльская. С. Ф. Мальковская, А. А. Назимова. Н. Ф. Надежина, Н. Н. Озерова, Е. В. Петрова-Самарина, Н. В. Потоцкая, А. С. Серебряковъ, К. В. Смолина, О. И. Токарева, О. И. Харламова, М. И. Харламова; гг. П. Г. Абрамовъ, А. Н. Андреевъ, С. В. Волковъ, Г. Н. Гришинъ, Н. М. Гундобинъ, М. И. Мартыновъ, Н. В. Николаевъ, Г. Г. Орловъ, И. А. Порошенъ, В. А. Савельевъ, В. М. Сокольскій, Н. И. Тихановъ, Г. Г. Улановъ, К. О. Ѳедоровъ. Режиссеръ Д. А. Бѣльскій, 2-й режиссеръ Н. И. Тихановъ, пом. реж. Е. П. Гурьевъ, суфлеръ Полубинскій, декораторъ Сидоровъ.

Налуга. Въ скоромъ времени начнутся спектакли опереточной труппы, въ составѣ которой находится, между прочимъ, и пресловутый г. Бобровъ. По слухамъ, къ первому же его выходу готовится демонстрація. Но «лучшая» часть калужскаго общества рѣшила будто-бы, игнорировать представленія труппы, пока въ спектакляхъ будетъ принимать участіе этотъ пѣвецъ.

Воронежъ. Драма. Антреприза А. А. Линтварева. Составъ труппы: г-жи М. А. Саблина-Долѣская (героиня), А. А. Лодина (драм. *ingenue*), Н. М. Гондлати (комич. *ing.*), А. Л. Струсъ (роли кокетокъ и характ.), Е. А. Матророва (комич. и драм. старуха), Л. Д. Неметти (бытовая р.), Шумилова, Струйская, Полонская; Донская и др. Мужской персоналъ:

гг. А. А. Агаревъ (драм. любовь), М. Ф. Тройницкій (ком. рез.), А. Н. Соломинъ (фатъ и характ. р.), Б. С. Вечесловъ (резонеръ), Я. И. Озеровъ (простакъ), В. Ф. Присягинъ (ком. буффъ), Н. М. Гротовъ и А. Д. Розанова (хар. роли), В. В. Рамазановъ, К. А. Сабининъ и В. Н. Ломанскій (любовники), Потемкинъ, Борскій и др. Режиссеры: А. А. Линтваревъ и М. Ф. Тройницкій, пом. реж. г. Мировичъ, суфлеръ г. Варваровъ, декораторъ г. Постниковъ.

Вятка. Здѣсь организовалась товарищество для веденія театрального дѣла. Состоитъ оно изъ 42 лицъ съ капиталомъ въ 5000 р. Подъ спектакли снятъ концертный залъ. Составъ труппы слѣдующій: г-жи Е. Ф. Кутузова, Е. Ю. Лелина, М. М. Баскакова, С. М. Крамская, Н. Д. Живокини, А. А. Александрова, Е. И. Гусева, М. И. Дальская; гг. Д. А. Карамазовъ, П. П. Степановъ, Л. Г. Баскизовъ, К. А. Марджановъ, В. М. Гойда-Огневской, М. И. Тепловъ, Я. И. Рошинъ, Н. П. Чарскій, Т. В. Дубровскій и др.

Херсонъ. Труппа П. П. Ивановскаго начнетъ спектакли съ 24 сентября. Составъ труппы: г-жи Рахманова (героиня и драматическія роли), Иртенцева (инженю), Нелидова (молодая комическая роли), Семенова (комическая старуха), Марлинская (*coquette*), Гергеръ-Глазунова (*grande-dame*), Рокотова (драматическія роли); гг. Бастуновъ (герой и характерныя роли), Россатовъ (бытовой герой и характерныя), Чаринъ (драматической любовникъ и фатъ), Мартыновъ, Лукинъ и Перовъ (комики), Назаровъ (простакъ), Балховскій и Давыдовъ (резонеры).

Екатеринбургъ. Театръ, бывший въ прошломъ году въ рукахъ антрепренера г. Струйскаго на нынѣшній сезонъ переданъ имъ г. Любову, который сформировалъ слѣдующую драматическую труппу: г-жи Токарева (драматическая героиня), Шейндель (*ingenue dramatique*), Эльшина (комич. старуха), Потоцкая и др.; Любовь (драматическій любовникъ), Надлеръ (резонеръ), Кондратьевъ (комикъ), Тельскій и др. Сезонъ начинается 1-го октября ком. Сумбатова «Джентльмены».

Рязань. Открытіе спектаклей предполагается въ концѣ сентября. Составъ драматической труппы Э. А. Млиновской слѣдующій: героини — г-жи Строганова и Малиновская, инженер драм.—г-жа Руссанова, инженеръ ком. и бытовая—г-жа Линская, комич. старуха—г-жа Прокофьева, водеvilная — г-жа Ланина, на 2-я роли — г-жи Волжская, Лидина и Солнцева. Гг. Семеновъ-Самарскій, И. Е. Шуваловъ, Бѣлиновичъ, Дольскій, Соловьевъ, Кривцовъ, Костинъ, Козаковский и др. Режиссеръ И. Е. Шуваловъ. Декорации всѣ новыя.

Таганрогъ. Лѣтній сезонъ въ городскомъ саду закончился крахомъ. Антрепренеръ сада г. Ханамировъ скрылся. 11 сентября въ садъ явились судебный приставъ и полиція и приступили къ продажѣ всего бѣгунскаго имущества на пополненіе долговъ разнымъ лицамъ. Огня изъ причинъ краха, какъ говорятъ, кроется въ непомѣрно высокой платѣ, взимаемой городомъ за садъ.

Томскъ. 24 состоялось открытіе сезона въ городскомъ театрѣ. Въ составѣ окончательно сформированной драматической труппы М. И. Каширина и А. Г. Аярова входятъ слѣдующія лица: Н. А. Смирновъ—героиня, Е. Е. Элдеръ—*ingenue dramatique*, С. П. Арцыбашева—*ingenue comique* и водеvilная Е. В. Горская—комическая старуха, К. С. Суревичъ—1-я *grande-dame* и драм. старуха, О. Ф. Незлобина и Е. А. Диѣпровская—*ingenue*, Н. С. Самойлова и М. И. Елагина—2-я *ingenue*, Д. В. Галицкая—2-я *grande-dame*, А. И. Вѣровская—2-я старуха, В. Н. Зичи, Л. А. Качевская и А. И. Шебуева 3-я роли. Мужской персоналъ: гг. А. Г. Аяровъ—фатъ и характ. роли, И. И. Бѣлоконъ—герой и характ. роли, Я. В. Орловъ—Чужбининъ—драматическій любовникъ, Н. А. Раковский и С. В. Чупровъ—комики, М. И. Каширинъ—*Jeune comique* В. Ф. Цвилевъ—резонеръ, Н. В. Костровскій—комич. резонеръ, В. С. Колпашиковъ—2-й любовникъ, Ф. С. Соколовскій—простакъ, А. Д. Бабичъ, Н. П. Веригинъ, В. И. Мальцевъ, Ф. А. Петровскій, А. А. Марковъ и Н. П. Волковъ—вторыя роли. Главный режиссеръ А. Г. Аяровъ, суфлеры—А. Е. Барановичъ и А. А. Марковъ, помощники режиссера—Я. А. Славскій и Н. И. Волчекъ. Художникъ-декораторъ Ф. А. Петровъ.

Минскъ. Зимній сезонъ въ городскомъ театрѣ откроется 23 сентября спектаклями драматической труппы Л. А. Карамзина. Составъ труппы: г-жи В. А. Варинская, Е. В. Недзвѣцкая, Е. В. Градова, Л. Н. Лярова, Е. Е. Евгеньева, А. О. Зайцева, А. К. Орловская, Е. М. Медвѣдева. В. Н. Охотская, А. А. Романовская, В. О. Райская, М. В. Смирнова, Е. З. Савельева. Мужской персоналъ: Р. Н. Владиславскій, А. Ф. Володинъ, Г. Н. Грессеръ (артистъ московскаго Малаго театра), М. В. Долинъ, А. А. Мурскій, С. Ф. Пронскій, Б. Е. Писаревъ, П. И. Тамбовскій, М. М. Тархановъ, Ѳ. Ѳ. Холминъ, В. А. Холодинъ, В. М. Черногорскій, В. И. Шумовъ, Е. П. Федоровъ. Главный режиссеръ Мурскій, второй Грессеръ, суфлеръ Пожарскій.

А. К. Толстой.

(Къ 25-лѣтію со дня смерти).

Первое представлѣніе „Смерти Іоанна Грознаго“*).

12 января 1867 г. Вечеръ...

Большой залъ Маринскаго театра давно не видалъ въ своихъ стѣнахъ такой избранной, блистательной публики. Отъ шороха тяжелыхъ женскихъ платьевъ, отъ движеній безчисленнаго количества рукъ и ногъ стоялъ глухой, сдержанный гулъ, готовый поминутно смолкнуть и превратится въ напряженную тишину вниманія. Несмотря на повышенныя (болѣе, чѣмъ вдвое) цѣны, всѣ мѣста проданы и театръ набитъ полнымъ полно... **).

Въ царской ложѣ находятся Государь Императоръ Александръ Николаевичъ съ кроткой, доброй улыбкой, великая княгиня Марія Александровна и великіе князья Владиміръ и Сергій Александровичи... Все высшее общество, дипломатическій корпусъ, министры, литераторы находились въ полномъ составѣ.

Сегодня бенефисъ А. А. Нильскаго и еще торжественнѣйшій бенефисъ русскаго искусства: впервые ставится появившаяся въ печати въ прошломъ (1866 г.) драма А. К. Толстого „Смерть Іоанна Грознаго“.

Инициатива скорѣйшей постановки пьесы всецѣло принадлежала бенефицианту. И. А. Гончаровъ, которому ав-

торъ довѣрилъ судьбу „Іоанна“ списался съ Толстымъ, послѣдній пріѣхавъ изъ Рима усиленно занялся своей трагедіей. Немало хлопотъ стоило Нильскому отвѣсать пьесу отъ дирекціи для своего бенефиса. По его собственному признанію, онъ „былъ увѣренъ, что первое представленіе пьесы обратитъ вниманіе высокопоставленныхъ особъ, которыя непременно посвятятъ бенефисъ; надо также прибавить, что расчеты на матеріальный успѣхъ также не были не приняты во вниманіе *)... Какъ бы то ни было, но Нильскому, несмотря на недоброжелательства начальника репертуара „губошлепа“ Оедорова удалось черезъ посредство министра графа В. Ф. Адлерберга, добиться того, что возбуждавшая всеобщій интересъ новинка была предоставлена ему въ бенефисъ... По распределенію ролей Нильскому достался Сицкій, — В. В. Самойловъ — Грозный, а П. В. Васильевъ — Годуновъ. Но гордый и надменный Самойловъ, состоявшій съ Васильевымъ въ непримиримой враждѣ отказался участвовать въ одной съ нимъ пьесѣ. „Это будетъ не трагедія, а фарсъ“ громко говоритъ онъ: „Васильевъ ничѣмъ не подходитъ къ Годунову; онъ будетъ жалокъ и смѣшонъ. Я не желаю быть въ комедіанской обстановкѣ“.

Какимъ-то непонятнымъ образомъ друзья А. К. одни изъ тѣхъ про которыхъ говорится: „спаси меня Боже, отъ друзей моихъ, а отъ враговъ я самъ оберегусь“ — уговорили драматурга, что комическій актеръ Васильевъ (которому онъ раньше колебался дать роль Годунова) будетъ превосходнымъ Іоанномъ. Послѣдовало предложеніе автора и Васильевъ къ общему изумленію труппы взялъ на себя эту трудную отвѣтственную роль, передавъ Годунова Нильскому.

Все это въ десятый и двадцатый разъ передавалось и внизу, и въ креслахъ, и на галлерейхъ, гдѣ ожиданіе достигало градуса кипѣнія. Свѣтскіе молодые люди сообщали подробности о пьесѣ съ волхвами... Говорили о томъ, что на репетиціяхъ являлось множество извѣстныхъ ученыхъ, художниковъ и музыкантовъ, что А. Н. Сѣровъ написалъ музыку для хора скомороховъ, что историкъ Костомаровъ не пропускалъ репетицій, внимательно и „загадочно“ присматривался; добавляли, что губошлепъ будучи недоволенъ Нильскимъ за ходатайство у министра наполнилъ залъ, во время генеральной репетиціи даровой публикой, въ числѣ которой былъ даже протоіерей театральнo-училищной церкви отецъ Михаилъ Б-овъ. И хотя послѣдній былъ тщательно скрытъ въ ложѣ, тѣмъ не менѣе его видѣли „всѣ“.

*) Его надежды оправдались какъ нельзя лучше; несмотря на несовсѣмъ законный поборъ Оедорова, Нильскому досталось чистыми 5 тысячъ.

«Царь Борисъ». (V. дѣйствіе).

*) 28 сентября исполняется 25 лѣтъ со дня смерти Алексѣя Константиновича Толстого, скончавшагося въ своемъ имѣніи Черниговской губерніи, въ селѣ Красный Рогъ. Въ началѣ 50-хъ годовъ стали появляться въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ его стихотворенія. Въ 1861 году появился въ «Русскомъ Вѣстникѣ» романъ «Князь Серебряный», встрѣченный обшимъ сочувствіемъ. «Смерть Іоанна Грознаго», появилась впервые въ «Отцѣ Зап.» Въ 1868 г. имъ написанъ «Царь Оедоръ Іоанновичъ», а въ 1870 г. «Царь Борисъ». Послѣднимъ произведеніемъ долго не удавалось проникнуть на сцену. Въ 1867 г. вышло полное собраніе его стихотвореній. Послѣднія его произведенія появились въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

**) Пришлось даже прибѣгнуть къ жребію, столь обыкновенному въ наши дни для кассъ Маринскаго театра. Между прочимъ за немѣнимымъ мѣста было отказано въ ложѣ и австрійскому посланнику, предлагавшему сотни рублей.

Какой-то страшный шумъ, певнятые крики и полузаглушенная рѣчи вдругъ раздалась по залу. Легкій шорохъ недоумѣнія, нѣсколько отрывочныхъ фразъ вырвавшихся изъ общаго гула и затѣмъ тишина. Публика поняла, что тамъ за опущеннымъ еще занавѣсомъ началось представление. Потомъ быстро взвился тяжелый занавѣсъ...

Боярская Дума. Глазъ поражаемся непривычной роскошью костюмовъ и обстановки. Все съ иголочки, все исторически вѣрно исполнено и поставлено съ такой заботливостью и совершенствомъ, которыхъ давнымъ-давно не были замѣтны въ русской драмѣ. Сѣдые бороды высоко поднятыя тряслись отъ споровъ, отъ мысли о томъ, что сядешь ниже своего достоинства, и осрамишь родъ.

Вотъ выступилъ Захарыинъ. Громкій голосъ, непривычное, странное озлобленіе, это Л. Л. Леонидовъ; онъ не столько сердитъ на пустые споры бояръ, сколько на то, что авторъ отдалъ роль Іоанна Грознаго не ему, а Васильеву 2-му.

Возможно-ль? Какъ? Въ теперешнюю пору...

Вы въ самую ту пору о мѣстахъ тягаетесь?..

Легкій трепетъ пробѣжалъ по залу.

Въ антрактѣ оживленіе. Апплодисменты мѣшались съ гуломъ тысячи голосовъ.

Повсюду повышенное настроеніе, „броженіе умовъ“. Хвалятъ автора и ругаютъ актеровъ, говорятъ о роскошныхъ костюмахъ, о тридцати тысячахъ, потраченныхъ дирекціей на постановку, о томъ, что будетъ дальше. Последнее слышится только среди, такъ называемой, большой публики, „вообще нѣсколько беззаботной насчетъ литературы“. Болѣе же солидная часть публики достаточно знакома съ самой пьесой. Но за то они же свободнѣе могутъ судить объ исполненіи.

— Помилуйте, что же это такое, въ недоумѣніи пристаешь къ знакомымъ историкъ Костомаровъ: бояре носятъ длинные волосы à la pougik. Никогда думскіе бояре такой прически не носили. Длинные волосы—это трауръ, это знакъ опалы... Какъ же это?

Онъ говоритъ такъ убѣдительно, что вскорѣ многіе за нимъ начинаютъ повторять, что „длинные волосы знакъ опалы и что они помнятъ это изъ исторіи“. Впечатлѣніе начинаетъ слагаться не въ пользу актеровъ; нападаютъ на Григорьева, Зуброва, Леонидова, Агрямова, Пронскаго и Степанова; упрякаютъ ихъ въ ходульность, въ неумѣніи вести ансамблевой игры, въ томъ, что „они словно дали себѣ слово провалить пьесу“. Слышатся и инныя рѣчи; говорятъ, что артисты пока не взяли настоящего тона, что „рано судить“, что хорошъ Нильскій и что главное впереди: Васильевъ въ роли Грознаго. Странное дѣло: всѣ симпатіи публики были на сторонѣ Васильева—комического актера; это была какъ бы месть Самойлову, за то, что онъ своимъ отказомъ чуть не лишилъ возможности постановки „Смерти Іоанна Грознаго“.

Но, увы! здѣсь ждало и автора и зрителей самое большое разочарованіе.

Снова въ залу напряженная тишина и снова вмѣсто холстовъ и декораций зритель видитъ строгій величественный стиль древнихъ царскихъ почиталенъ... Вотъ Іоаннъ... Іоаннъ-ли? Маленькій полный, кругленькій, неуклюже согнувшійся. Къ круглому „комическому“ лицу была неуклюже приклеена сѣдоватая борода, а маленький носъ-пуговица торчитъ среди лица, какъ неустраиваемая печать комической маски.

Не надо пищи тѣлу,
Когда душа упитана тоской.
Отнынѣ мнѣ раскаяніе пища—

начинаетъ Васильевъ, и легкая улыбка пробѣжала по лицамъ зрителей... Расхваленный поклонниками, критикой, въ особенности своимъ хорошимъ другомъ Ап. Григорьевымъ, почему-то считая себя актеромъ-трагикомъ, Васильевъ, этотъ талантливый исполнитель ролей Островскаго, былъ невозможнымъ Грознымъ. Странный гипнозъ овладѣвалъ публикой: порой начинало казаться, что какой-то шутникъ ее старательно мистифицируетъ, выгустивъ на сцену чистыя псалтыря, и тогда гробовое уныніе воцарилось въ залу. Въ сценѣ слушанія приговора бояръ, въ сценахъ съ посломъ Гарабурдой, объясненія съ Захарыинымъ, извѣстія о пожарѣ, смерти—Васильевъ былъ ниже всякой критики и громкое, оживленное шиканіе большинства было ему наградою. Авторъ сознавая свою ошибку, бѣгалъ въ уборную давать послѣднія указанія, возвращался обратно, задумываясь и снова убѣгалъ за кулисы. Отъ блестящей классической роли остались какія-то провинціальныя выкрикиванія дурного тона.

Противъ всякаго ожиданія очень и очень недуренъ былъ Нильскій—Годуновъ. Видно было, что онъ отнесся къ своей роли со всевозможнымъ прилежаніемъ и тщательностью. Онъ глубоко проникся указаніями автора, игралъ сдержанно, осмысленно, не выходя изъ характера

роли. Благодарная и эффектная сцена съ двумя волхвами проведена была очень хорошо.

— Я говорилъ, что Нильскій превосходный Годуновъ, замѣчаетъ въ антрактахъ графъ Толстой, но его не оцѣнять!

— Онъ васъ подкупилъ тѣмъ, что превосходно выучилъ текстъ роли, возражаютъ графу.

Толстой щурить свои быстрые умные глаза, улыбается и отвѣчаетъ:

— Это первое условіе хорошей игры. Чгобы сдѣлать соусъ изъ зайца, нужно прежде всего достать зайца... Онъ и Леонидовъ изъ всѣхъ артистовъ выучили роли...

Сцена съ Гарабурдой насмѣшила зрителей до слезъ. Къ фавориту Григорьева Васильеву, присоединился фаворитъ Островскаго—Бурдинъ (Гарабурда).

Наибольшій успѣхъ имѣло четвертое дѣйствіе. Народная сцена прошла съ оживленіемъ и блескомъ. Занавѣсъ падаетъ при оглушительныхъ апплодисментахъ. Вызываютъ

КЪ 25-ЛѢТНЮ СМЕРТИ А. К. ТОЛСТОГО.

«Царь Борисъ». (Ө. П. Горевъ).

режиссера, художника Вочарова, писавшаго декораций, автора... Тотъ-то, радостный и взволнованный, спѣшитъ на вызовы. Директоръ графъ Ворхъ останавливаетъ его уже на сценѣ.

— Нельзя! Вамъ нельзя!

— Почему?

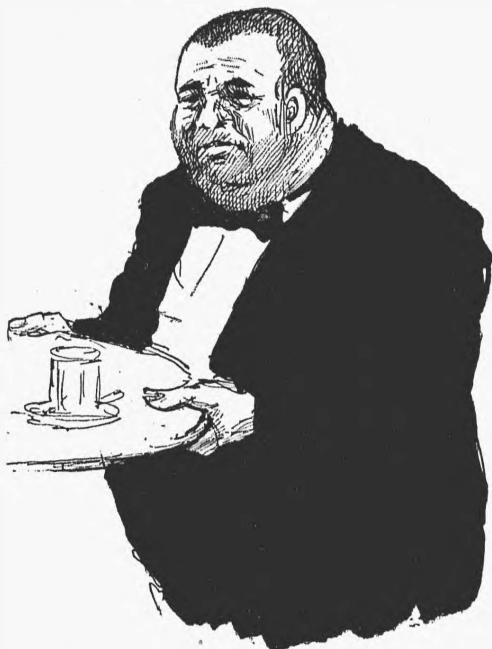
— Вы, какъ придворный чинъ, не имѣете права показываться на сценѣ, а можете откланяться публикѣ только изъ директорской логи.

Толстой долженъ былъ вернуться и раскланяться изъ логи директора... Въ слѣдующей сценѣ вниманіе зрителей начинаетъ привлекать къ себѣ исполнитель Федора Іоанновича. Здѣсь случилось то же, что и въ наше время въ теченіе послѣдняго года: въ этой роли выдвинулся незамѣтный до сего актерикъ Душкинъ, прекрасно и своеобразно передавшій блаженнаго царевича. Таковы свойства этой благодарнѣйшей и чрезвычайно „русской“, т. е. соотвѣтствующей русской душѣ, роли.

Спектакль шелъ къ концу. Усталый Васильевъ—Іоаннъ велъ роль еще хуже. Сосницій, играя схимника, соперничалъ съ нимъ. Одинъ Горбуновъ въ дурацкомъ колпакѣ шута чувствовалъ себя весело и оживленно... Появляются два волхва и снова авторъ срывается и бѣгаетъ за кулисы: вопреки его указаніямъ, одинъ изъ нихъ не только не бритъ, но въ роскошной черной бородѣ. Настоящій Ринальдо-Ринальдини!.. Но Кирилинъ день еще не кончился и всѣ ждутъ его конца и не уѣзжаютъ изъ театра. И вотъ, Іоаннъ умеръ. И въ эту минуту смерти врывается шайка скомороховъ, бойкое притоптываніе ногъ, пьяное гиканіе, пѣсни разбушевавшагося веселья.

Падаетъ занавѣсъ. Слышатся крики автора и шиканіе Васильеву, вызываютъ художника Ваха. Гаснутъ огни, освѣщавшіе восходъ прекрасной и новой русской трагедіи... Любопытное совпаденіе. Въ ту же ночь скончался Николай Ивановичъ Гречъ, эта опора Кукольниковскаго періода русской исторической драмы... Осипъ Дымовъ.

«ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ».

Лакей Яковъ (г. Шевченко).

(Рис. Л—ва).

Вариантъ „Плодовъ Просвѣщенія“.

Въ настоящее время варианты въ большой модѣ. Думаю, поэтому, читателямъ будетъ небезынтересно познакомиться съ вариантомъ одной изъ сценъ „Плодовъ просвѣщенія“, нигдѣ не напечатаннымъ и отысканнымъ мною у себя въ письменномъ столѣ. Я не ручаюсь за достовѣрность происхожденія этого варианта, но если-бы его сыграли при нынѣшнемъ возобновленіи „Плодовъ просвѣщенія“, — полагаю, что онъ заинтересовалъ бы публику.

ДѢЙСТВІЕ II, явленіе 10. Первый, второй и третій мужикъ. Лакей Яковъ. Пьютъ чай.

Яковъ. Чай да сахаръ!

1-й муж. Милости просимъ!

Яковъ. Некогда, да ужъ налейте чашечку для компаніи.

1-й муж. Да вотъ предлагается разговорка, какъ давеча ваша госпожа очень какъ себя гордо повела.

Яковъ. Сурьезная барыня, ой, какая сурьезная!.. Ключи, все это, къ рукамъ. Ну, а баринъ, извѣстно, добрый...

2-й муж. Добрый?

Яковъ. Очень добрый. Надо такъ понимать, въ разумѣ онъ немного помутился, отъ доброты-то...

1-й муж. Двистительно, это бываетъ.

3-й муж. О, Господи!

Яковъ. Все хочеть, чтобъ по крестьянскому. Лѣтось въ лаптяхъ ходилъ да пахать охотился, собственноручно, да...

2-й муж. Ну?

3-й муж. О, Господи!

1-й муж. Двистительно затменіе, значитъ, отъ большой умственности. А можетъ, итакъ, для разгулки времени?

Яковъ. Нѣ-ѣтъ! Гдѣ тутъ! Надо, говорить, чтобъ всѣ въ потѣ лица своего, не иначе. Бѣдная вдова была тутъ. Можетъ знаете, Аксиныя солдатка? Самъ ей печь складывалъ. Сапоги тачалъ.

2-й муж. Неужто тачалъ? Ты чего, дядя Митрій?

3-й муж. (смѣется). Миѣ-бы, скажемъ, сапоги ста-

чалъ замѣсто чуней вонъ энтихъ. Помилователь-бы отецъ!

1-й муж. Двистительно, со сладкой пищи, значитъ, свихнулся...

Яковъ. Не то, чтобъ вполнѣ, а есть таки... Да вотъ пища... Лукерья! Спросите Лукерью...

Явл. 11. (входитъ Лукерья съ блюдомъ капусты).

Яковъ. Сказывай вотъ имъ, Лукерья, какую пищу старый баринъ потребляетъ...

Лукерья. Пищу?! Кабы всѣ такую въ домѣ пищу ѣли, совсѣмъ-бы и жить въ кухаркахъ не стоило. Какая это пища! Не мужицкая, не госнодекая, — такъ! Съ утра кофей-то выпьеть...

2-й муж. Кофій пьеть-то?

Лукерья. На счетъ кофію это вѣрно. Ну, бѣлая булка. А тамъ, хоть и не считай. Рыбы не ѣсть, мяса не ѣсть, яицъ не ѣсть. Цыленочка и того не ѣсть...

1-й мужикъ. Посты, значитъ, соблюдаетъ?

Лукерья. Какое соблюдаетъ! Молоко и по постнымъ днямъ лопаеть...

3-й муж. О, Господи!

2-й муж. А мяса неужто и въ Свѣтлый праздникъ не ѣсть?

Лукерья. Ни-ни-ни... Что скоромное, что постное — это онъ не разбираетъ, а соблюдаетъ, значитъ... вертъ на низъ.

Яковъ. Вегетарнистъ — такъ, сказываютъ, называется.

1-й муж. По книжкамъ, предлагаю, дошелъ. Поэтому умственность.

3-й муж. О, Господи!

2-й муж. И давно съ нимъ, затменіе-то энтотое самое.

Яковъ. Да годковъ, почитай, десять будетъ. Раньше былъ баринъ, какъ есть, настоящий. Строгий это, основательный, ну, и поступки тоже...

2-й муж. Вина, можетъ, пилъ много?

3-й муж. Что дѣлаетъ вино-то! Вино-то, скажемъ...

Яковъ. И, куды! Совсѣмъ тутъ другое дѣло. Отъ жалости, вотъ что, отъ жалости...

1-й муж. Двистительно, иной отъ винца, другой отъ жалости.. Положенія извѣстная...

«ПЛОДЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ».

Три мужика.

(Рис. Л—ва).

СЛИШКОМЪ МНОГО ТАЛАНТА.

Яковъ. Слова никогда дурного не скажешь. Ты хоть что! Какъ это онъ сказывалъ? Ты, говорить, зло, а я супротивъ зла ничего. Ты вдарь, а я молчу...

3-й мужикъ. О, Господи! Блаженненькій, значить...

1-й мужикъ. Двистительно, сходственно, въ родѣ, какъ блаженненькій...

Яковъ. Тоже табакъ вотъ, духу-то этого самага, не выносить. Что табакъ, что вино — одинъ, говорить, развратъ. Дурманъ, говорить. Отъ его, отъ табаку-то, человекъ, говорить, подлости дѣлаетъ. И кто его, говорить, курить, табакъ-то, у того, значить, совѣсти нѣтъ.

2-й мужикъ. У тебя, дядя Митрій, совѣсти, выходить, нѣту. Потому любишь трубочку-то пососать...

3-й муж. О, Господи!

1-й мужикъ. Двистительно, что примѣрно такъ выходитъ...

Явленіе 12. Тѣ-же и Таня (Вбѣгаетъ).

Таня. Нѣтъ Григорія здѣсь? Ахти, Боже мой! Барыня-то спрашиваетъ, спрашиваетъ, кличетъ, кличетъ!..

3-й муж. Посиди, дѣвушка, съ нами. Чаю, скажемъ, откушай...

Таня. Ну, инъ и въ заправду чашку выпить...

2-й муж. Хочется за Семку тебѣ замужъ-то хочется, а? Сказывай?

Таня. Да что-жь, это вѣрно...

Яковъ. Старому барину тоже сказывать не надо.

2-й муж. Зачѣмъ не надо сказывать? А? (Грозно). Что-то тутъ не такъ...

Таня. Яковъ Иванычъ, батюшка, объясните имъ это самое.

Яковъ (ухмыляется). Тоже это понимать надо.

1-й муж. Умственность, предлагаю, опять?

Яковъ. Вотъ, вотъ! Баринъ нашъ такъ думаетъ, что не дляче замужъ выходить, потому какъ дѣтей не надо...

2-й муж. Не надо?

3-й муж. О, Господи!

Яковъ. Не надо. А люби, говорить, бабу-то, какъ сестру. Пущай, говорить, она будетъ тебѣ другъ первый, а дѣтей не надо... Прекрати, говорить!

2-й муж. Хе-хе-хе... Прекратишь, какъ-же!

3-й муж. О Господи!

1-й муж. Двистительно, очень чудно...

Таня. Хи-хи-хи... (Взвизгиваетъ). И что это вы, Яковъ Ивановичъ? (Убѣгаетъ).

1-й муж. Я думалъ, быдто это дѣтей не надо для хвормы, то есть, штобъ хворма была... Извѣстно, по городу барынѣ хворма требуется...

Яковъ. Нѣ-ѣтъ... Это, значитъ, для души...

3-й муж. О, Господи!

Яковъ. Вотъ каковъ есть нашъ старый баринъ. Полдня работаетъ, а полдня пишетъ, пишетъ, пишетъ... И все книжки выходятъ. Пятнадцать, сказываютъ, книжекъ вышло... Я-то малограмотный, не умѣю вамъ сказать. А вотъ Федоръ Ивановичъ многократно мнѣ рассказывалъ, быдто это въ газетахъ вычиталъ, что нашъ баринъ первый по уму-то, значить, выходитъ.

2-й мужикъ. Это вашъ-то? Ха-ха-ха...

3-й мужикъ. У насъ годковъ пятнадцать тожо такой былъ... Пилъ онъ тады, скажемъ, много, но токмо скотину, курицу пропилъ... А потомъ очухался, и ровно блаженный сталъ. Побирался онъ тады по деревнѣ. О, Господи!

Яковъ. И сколько этихъ самыхъ писемъ до барина идетъ—счесть не перечесть! И все, сказывалъ Федоръ Ивановичъ, будто отъ дамскаго званія больше.

1-й муж. Двистительно, такая положенія, примѣрно, для бабъ...

2-й муж. И печатаютъ про барина, что умнѣйшій?

Яковъ. Печатаютъ, ухъ, какъ печатаютъ! Федоръ Ивановичъ кажинный разъ читаетъ. Ну, говорить, опять напечатали про барина. А особливо, говорить, очень, говорить, одобряютъ это самое насчетъ вотъ того, что люби, какъ сестру.

2-й муж. Одобряютъ?

3-й муж. О, Господи!

Яковъ. Теперича написалъ нашъ баринъ для тѣатра.

2-й муж. Это что-же, кѣатръ?

Яковъ. А представленія разныя, которые люди выходятъ и говорятъ, а которые молчатъ, а которые колесомъ ходятъ. Написалъ, что говорить надо. И сказывалъ мнѣ Федоръ Ивановичъ. Которые мужики—всѣ пріотлично говорятъ, а которые господскаго званія—тѣ прескверно. Нарочито, значить...

3-й мужикъ. Свой своего значить? Хе-хе-хе... О, Господи! Насмѣшилъ Яковъ Иванычъ! Отецъ, смѣлосердуй! Хе-хе-хе...

1-й мужикъ. Двистительно, сходственно, что такъ.

2-й мужикъ. И ходятъ баре-то на посмѣянье?

Яковъ. Хо-одятъ! И-и еще какъ ходятъ! Важно, говорятъ, нашего брата отдѣлалъ! Такъ ему, такъ, еще!! Ахтеръ тамъ Осокинъ плохо мужика представлялъ—не настоящій, говорятъ...

1, 2, 3-й муж. Ха-ха-ха. Хо-хо-хо...

Яковъ. Мало, говорятъ, еще! Надо-бы еще! Не токма мы, говорятъ, дураки, а еще того похуже... Насъ, говорятъ, бы всѣхъ веревочкой связать да потопить, а оставить только мужичка... Потому, говорятъ, въ емъ правда, а въ насъ скверность одна, а больше наскрозъ ничего.

2-й мужикъ. А господа-то одобряютъ? Ой, не выдержу!.. Хо-хо-хо... Его лупить, а онъ одобряетъ...

3-й мужикъ. О, Господи!

1-й мужикъ. Двистительно, что такъ. Посмотрѣть-бы на самый энтотъ кѣатръ...

Яковъ. Куды тебы! Платятъ то за мѣсто по три цѣлковыхъ. Вотъ что!

2-й мужикъ. Это на собственный срамъ-то посмотрѣть!

1-й мужикъ. Двистительно. Значить, клеймать позволеть.

3-й мужикъ. О, Господи!..

Homo novus.

(Занавѣсъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Въ Берлинѣ возникъ еще новый театръ—«Сецессионистскій», по модному нынче выраженію. Основателями этой сцены явились д-ръ Мартинъ Цикель и молодой артистъ, Пауль Мартинъ. Нѣкоторые ожидали, что новый театръ сдѣлается очагомъ символистически-мистической драматургіи à la Метерлинкъ, другіе окрестили его названіемъ «театръ романтиковъ». Но молодые основатели новаго театра, повидимому, люди болѣе практичны. Они держатся лишь того мнѣнія, что реалистическое и натуралистическое творчество не есть послѣднее слово нѣмецкой драмы, и что слѣдуетъ искать новыхъ путей. Въ своемъ театрѣ они готовы предоставить пріютъ каждому истинному дарованію, но прежде всего намѣрены служить культу красоты. «Мрачныя проблемы и печальныя судьбы отдѣльных, мало интересныхъ людей не занимаютъ болѣе публику»,—такъ заявилъ одному интервьюеру одинъ изъ директоровъ театра Мартинъ. Во всякомъ случаѣ всѣ современныя направленія въ ихъ лучшихъ образцахъ будутъ представлены въ новомъ театрѣ и все, что волнуетъ современные умы, найдеть себѣ тамъ выраженіе. Но сообразно съ главнымъ моментомъ,—культомъ красоты, новый театръ выдвигаетъ, какъ руководящій принципъ, единство стили въ противоположность компромисамъ другихъ сценъ и господствующей вообще въ людской жизни «нестилизованности».

Согласно плану новаго театра, въ каждомъ представленіи сообща работаютъ режиссеръ, авторъ, декораторъ и артисты. Декорации готовятся не фабричнымъ способомъ, а при непосредственномъ участіи художника, живописца. Для этой цѣли новымъ театромъ законтрактованы извѣстные художники: Гендрихъ, Стевингъ и др. Для двухъ дней въ недѣлю «Secessionen Bühne» намѣчаетъ рядъ «литературно-историческихъ» представленій, которыя будутъ иллюстрировать развитіе нѣмецкой комедіи. Эти представленія будутъ даваться въ тѣхъ сценическихъ рамкахъ, которыя соответствуютъ времени произведеній.

Любопытна наружная обстановка новаго театра, воздвигнутаго на развалинахъ цѣлаго ряда драматическихъ учреждений на Alexandr-Platz. Въ небольшомъ зрительномъ залѣ и всѣхъ прилегающихъ помѣщеніяхъ господствуетъ блѣдно-зеленый и блѣдно-розовый цвѣтъ, занавѣсъ подъ тотъ же цвѣтъ, лишены всякихъ яркихъ фигуръ и сливается со стѣнами залы. вмѣсто громадной люстры, почти скрыто расположенъ у потолка четырехугольникъ электрическихъ огней. Въ театрѣ нѣтъ ярусовъ и галлерей совершенно открыто слѣдуетъ за партеромъ на нѣкоторомъ подъемѣ. Въ сторонѣ также совершенно открыто расположенъ читальный салонъ, украшенный карти-

нами изъ художественнаго салона Келлера и Рейнера. Въ небольшомъ фойѣ также висятъ картины извѣстныхъ художниковъ, предназначенныя для продажи. Фойѣ служатъ, такимъ образомъ, и выставкой художественныхъ произведеній, что не лишено и практическаго смысла.

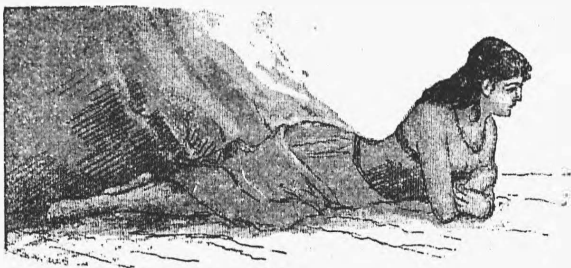
Зудерманъ окончилъ свою новую пьесу и на дняхъ читалъ ее артистамъ «Лессингъ театра». Пьеса въ 4-хъ актахъ, называется «Огни Ивановой ночи». Дѣйствіе ея происходитъ въ наши дни, въ Пруссіи, въ имѣніи состоятельнаго помѣщика, у котораго двѣ дочери, родная, дѣвушка-невѣста, лѣтъ семнадцати, и приемная, нѣсколькими годами старше, съ сложнымъ характеромъ и сильною, пламенною, почти — «демоническою» натурою. Она и является главною героинею пьесы, разработанной съ большою оригинальностью и представляющей драму чувствъ. Главный моментъ этой драмы разыгрывается въ Иванову ночь, когда, по старому обычаю, зажигаются по лугамъ огни, и когда, по нѣмецкому повѣрью, поцѣлуй связываетъ навѣки. Отсюда заглавіе пьесы. Но «огни Ивановой ночи» имѣютъ въ пьесѣ, очевидно, и символическое значеніе. Зерно фабулы даетъ любовь героини къ жениху дочери ея приемнаго отца, торжествующая въ Иванову ночь.

Гоненіе на бороду и усы постигло хористовъ вѣнской императорской оперы, пользовавшихся до сихъ поръ правомъ свободы отпускать растительность на лицѣ. Это запрещеніе, вызванное постановкой «Риенци» Вагнера, вызвало сильнѣйшій протестъ со стороны подвергшихся реформѣ. Среди протестантовъ нашелся одинъ ученый археологъ, доказывающій, между прочимъ, что во времена Риенци римляне безъ всякаго стѣсненія носили усы и бороды.

Чѣмъ кончится столкновение, неизвѣстно.

Въ этомъ сезонѣ въ вѣнскомъ «Carl-Theater» ни публикѣ, ни критикѣ не будутъ заранее объявляться имена авторовъ новыхъ пьесъ. Нововведеніе это, будто-бы, должно обезпечить безпристрастіе критики. Наивно думать, что не будутъ знать, кто авторъ пьесы.

Въ Вѣнѣ въ виду требованія пожарныхъ комиссій, закрыты до перестройки два излюбленныхъ вѣнцами театра, «An der Wien» и «Карлъ-театръ».

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КИЕВЪ. Наконецъ-то послѣ томительнаго ожиданія, у насъ появился антрепренеръ новго (все еще покаместъ строящагося) городского театра. Всѣ въ городѣ были убѣждены, что городской театръ очутится въ рукахъ неутомимаго и вездѣ-сущаго Н. Н. Соловцова, ибо у него много связей и «привилегій». Цѣлыхъ два вечера было посвящено вопросу объ антрепренерѣ. Засѣданія ознаменовались потокомъ красноречивыхъ фразъ, глубокихъ мыслей и философскихъ взглядовъ. На второмъ засѣданіи обсуждали вопросъ, составить-ли договоръ съ г. Бородаемъ во всемъ согласно утвержденнымъ думою основаніямъ или же подписать договоръ съ тѣми измѣненіями, которыя предложилъ г. Бородай.

Бурное и шумное было засѣданіе! Никогда гласные такъ не волновались, какъ теперь. Всѣмъ хотѣлось высказать свое сужденіе о театрѣ. Особенно кипятились враги Бородая. Ихъ оказалось не мало. Они галдѣли, кричали, шумѣли, вскакивали со своихъ мѣстъ, энергично жестикулировали — и все это съ цѣлью доказать, что Бородаю сдавать театра не слѣдуетъ. В. Н. Проценко заявилъ: что возбуждать вопросъ объ условіяхъ является совершенно лишнимъ, потому что, когда

ставили на баллотировку выборъ антрепренера — всѣ гласные хорошо были знакомы съ предложеніемъ Бородая. Послѣдній проситъ, чтобы обстановка двухъ оперъ, поступающихъ ежегодно городу, сдавалась безъ бутафоріи и нотъ. Затѣмъ, чтобы выборъ 4 русскихъ оперъ ежегодно производился по списку, который онъ самъ представитъ театральной комиссіи, а не по усмотрѣнію послѣдней; чтобы внѣ сезона театръ можно было сдавать тѣмъ драматическимъ труппамъ, которыя находятся въ составѣ товарищества Бородая и чтобы на первый сезонъ допущены были извѣстные пѣвцы безъ предварительныхъ дебютовъ. По мнѣнію гласнаго Проценка, просьба Бородая вполне резонна, ибо, если комиссія забракуетъ однихъ дебютантовъ, черезъ двѣ недѣли другихъ, а потомъ еще и еще, то въ концѣ концовъ получится какой-то винигретъ дебютантовъ, а между тѣмъ лучшіе артисты окажутся законтракованными. Городской голова С. М. Сольскій говоритъ, что отмѣнять рѣшенія дума не можетъ. Нужно остановиться на чемъ-либо одномъ. Гласные начинаютъ волноваться. Началъ говорить гл. Хижняковъ. По его убѣжденію — просьба Бородая сдавать оперы безъ бутафоріи и нотъ вещь не важная и съ этимъ можно согласиться. Однако, нельзя принять предложеніе Бородая относительно выбора русскихъ оперъ по его указанію, какъ и отмѣну системы пробныхъ дебютовъ. Комиссія утвердить списокъ артистовъ въ январѣ, а между тѣмъ къ осени кончатъ консерваторію новыя, молодые силы, которыя нельзя будетъ пригласить, такъ какъ онѣ сотнями нарождаются! Само собою разумѣется, молвилъ слово и г. Яронъ.

Бѣда въ томъ, что товарищества обыкновенно составляются изъ «именъ», но не изъ голосовъ. А «имена» потеряли голосъ, и были извѣстны 20 лѣтъ назадъ. Если дума отвергнетъ систему дебютовъ, то въ Киевѣ хорошей оперы не будетъ. Равнымъ образомъ нельзя позволить Бородаю внѣ сезона ставить драму изъ его собственныхъ артистовъ. Вѣдь можетъ явиться прекрасная труппа изъ столицъ: Соловцовъ ее къ себѣ не пуститъ, Бородай тоже. В. Н. Проценко говоритъ, что «дребедени» изъ русскихъ оперъ нечего бояться, ибо, если Бородай поставитъ «Громобоя», то сама публика не пойдетъ въ театръ. Послѣ этихъ словъ поднялся страшный шумъ. Раздаются крики: «Намъ нужна хорошая опера! Не надо Бородая! Театръ не для антрепренера строили!» и т. д. Голова звонитъ въ колокольчикъ. Страсти улеглись. Стихло. Гл. Проценко продолжаетъ говорить. Бородай будетъ ставить хорошія оперы, ибо ему придется считаться съ кн. Церетели, съ которымъ Соловцовъ заключилъ контрактъ и на будущій сезонъ до 25 ноября 1901 года. Стало быть будетъ «конкурренція» между двумя операми. И плохой драмы Бородай не будетъ ставить, имѣя въ виду труппу Соловцова. Гл. Яронъ не унимается и говоритъ: почему председатель театральной комиссіи представилъ отзывъ о Бородаѣ бывшаго казанскаго городского головы, а не нынѣшняго? На будущій сезонъ Бородай удаленъ изъ Казани. На это гл. Проценко возражаетъ неутомному оратору, что Бородай оставленъ въ Казани до 15 мая 1901 г.

Опять поднимается сильный шумъ. Кто-то крикнулъ даже: «театральная комиссія подвела думу!» Голова звонитъ, но крики не унимаются. Наконецъ все стихло. Объясняется перерывъ «для успокоенія нервовъ» гласныхъ. Послѣ перерыва снова начались шумные дебаты. Приступили къ закрытой баллотировкѣ. Ставятся два вопроса: 1) оставить договоръ безъ измѣненій условія и 2) съ измѣненіями, которыя проситъ Бородай. На первый вопросъ получилось 25 положительныхъ голосовъ и 14 отрицательныхъ, а на второй 13 положительныхъ и 24 отрицательныхъ. Такимъ образомъ дума рѣшила: сдать городской театръ Бородаю, если онъ согласится подписать договоръ съ думой, не измѣняя тѣхъ условій, которыя выработаны были театральной комиссіей.

Зимній сезонъ открылся у насъ въ «новомъ театрѣ» Соловцова 3 сентября «Аидой». Киевляне соскучились уже по оперѣ, а потому театръ на первыхъ порахъ былъ переполненъ. До сихъ поръ шли слѣдующія оперы: «Демонъ», «Гугеноты», «Травиата», «Паяцы», «Евгеній Онѣгинъ», «Аида», «Карменъ», «Сельская честь», «Риголетто» и «Фаустъ». Въ «Аидѣ» наибольшій успѣхъ имѣла г-жа Тарьянъ-Корганова, прекрасная пѣвица, Киеву еще неизвѣстная. Новой для Киева пѣвицей является и г-жа Гепнеръ, колоратурное сопрано. Очень пріятное впечатлѣніе она произвела въ роли Дикильды («Риголетто»). Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» новымъ пѣвцомъ явился г. Севастьяновъ, обладатель весьма недурного тенора. Ленскаго молодой артистъ пѣлъ хотя неуверенно, но весьма прилично. Въ «Демонѣ» имѣлъ большой успѣхъ г. Максаковъ, мощный баритонъ котораго звучалъ чисто и пріятно.

Въ театрѣ «Бергонье» будетъ играть «товарищество московскихъ опереточныхъ артистовъ» подъ управленіемъ неизвѣстнаго Киеву нѣкоего г. Дединцевъ. Кромѣ г-жи Раисовой — остальные артисты нашему городу неизвѣстны.

3 сентября открылся зимній сезонъ въ «желѣзнодорожномъ театрѣ», что возлѣ вокзала. Давали «Ревизора». Исполненіе было старательное. Театръ находился въ вѣдѣніи инженера Н. А. Аничкова, приложившаго не мало хлопотъ и энер-

гии по устройству вдѣсь спектаклей. Режиссеромъ состоитъ г. Балановъ. Цѣны дешевыя. Спектакли 2 раза въ недѣлю.

— а. —

ТОМСКЪ. Съ 1 сентября 1899 г. въ администраціи нашихъ музыкальных классовъ при Том. Отд. Музык. Общества произошли нѣкоторыя измѣненія. С. Т. Аббакумовъ замѣнилъ выбывшаго директора классовъ и преподавателя на рояли Л. А. Максимова, и свободный художникъ Я. Я. Карклинь замѣнилъ по классу пѣнія Е. К. Корсакъ-Дигби.

Новый директоръ классовъ г. Аббакумовъ вступилъ съ такими громкими и многообѣщающими объявленіями въ обѣихъ нашихъ мѣстныхъ газетахъ, что мы имѣли полное право надѣяться, что наконецъ-то наше Музык. Общ., освободившись отъ натворившаго такъ много чудесъ г. Максимова (изъ которыхъ самое главное — это разгромъ муз. клас. и низведение ихъ съ 117 учениковъ до 47-ми), пойдетъ опять по настоящему пути.

Увы! Весьма скоро пришлось разочароваться, а къ новому 1900 г. совершенно убѣдиться, что дѣла нашего Отдѣленія и состоящихъ при немъ муз. классовъ нисколько не поправились.

Въ теченіе этого сезона Отдѣленіемъ было устроено 3 симфоническихъ собранія (одно въ театрѣ и два въ залѣ Общ. Собр.), на которыхъ г. Аббакумовъ показалъ себя неопытнымъ, хотя и обладающимъ темпераментомъ, дирижеромъ, и плохимъ, невѣрнымъ композиторомъ въ исполненныхъ имъ своихъ сочиненіяхъ. Кроме того, было устроено еще 5 ученическихъ муз. вечеровъ, на которыхъ по классу рояля играли постоянно почти все одни и тѣ-же ученики, преимущественно изъ обучавшихся уже прежде въ классахъ у К. И. Томашинской, В. А. Бажавой и Л. А. Максимова. Эти-то ученики только и составляютъ сейчасъ, такъ сказать ядро нашихъ музыкальных классовъ, заслуживающее еще нѣкотораго вниманія. Слабо поставленъ классъ игры на рояли г. Аббакумова, мало знакомаго съ пѣснями преподаванія на роялѣ и педагогической музыкальной литературой.

По классу пѣнія Я. Я. Каркина мы замѣчали успѣхи особенно способныхъ учениковъ. За г. Карклинымъ есть также нѣкоторая заслуга въ сформированіи любительскаго квартета *in capella*... Лучшее всего поставленъ классъ игры на скрипкѣ Я. И. Медлина и такимъ преподавателемъ Том. Муз. Классы должны очень и очень дорожить, ибо они могутъ только гордиться имъ.

Да какъ и не идти плохо дѣламъ нашего Отдѣленія, когда во главѣ дѣла стоятъ испр. обяз. председателя Отдѣленія М. К. Шнейеръ, не получившій никакого музыкальнаго образованія, и С. Т. Аббакумовъ, малоспособный музыкантъ, которые самовольно, игнорируя уставъ общества, распоряжаются всѣмъ, едва-ли деликатно по отношенію къ почетнымъ и дѣйствительнымъ членамъ Отдѣленія? Дѣло дошло даже до того, что эти два лица позволили себѣ самолично, безъ участія остальныхъ членовъ дирекціи, вопреки ст. 13 уст. Общ., возводить въ званіе почетнаго члена лица, ничѣмъ не соответствующаго ст. 11 устава съ обоими къ ней примѣчаніями.

Нужно-ли удивляться, что публика не посѣщаетъ симфоническихъ собраній?.. Достоинъ удивленія, какъ остальные директора Томск. Отдѣл. допускаютъ такой образъ дѣйствій, забывая, что, въ сущности, они составляютъ Отдѣленіе, а не дирекція, которая должна быть только исполнительнымъ органомъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ.

Концертная дѣятельность истекшаго сезона 1899—1900 года была крайне бѣдна и выразилась концертами четырехъ заѣзжихъ артистовъ, да нѣсколькими благотворительными концертами.

Изъ благотворительныхъ концертовъ были недурны и увѣнчались хорошимъ матеріальнымъ успѣхомъ два или три концерта, устроенные вначалѣ сезона Общ. попеч. о нач. образованіи, при участіи нашихъ оперныхъ артистовъ, и два концерта, въ которыхъ принимали участіе преимущественно любители, устроенные Н. И. Образцовой въ пользу недостаточныхъ студентовъ вѣдущаго университета.

У юнаго капельмейстера М. И. Маломета было намѣреніе устраивать со своимъ оркестромъ общедоступные симфоническіе концерты, но они не встрѣтили сочувствія публики и ему пришлось оставить эту мысль; на данныхъ-же имъ все-таки двухъ симфоническихъ концертахъ съ благотворительной цѣлью публики было достаточно.

Оперный сезонъ закончился 2 мая и въ матеріальномъ отношеніи, кажется, весьма печально для нашего антрепренера Н. А. Корсакова, не смотря на то, что въ его довольно большой труппѣ были нѣкоторыя выдающіяся силы и много весьма хорошихъ артистовъ съ прекрасными голосами.

Въ теченіе сезона антрепризой было поставлено 29 новыхъ оперъ.

Большой успѣхъ имѣла талантливая артистка А. А. Картавина, прекрасная Джильда и Виолета. Приглашенная вмѣсто нея на весенній сезонъ А. Х. Флоріани ни по голосовымъ средствамъ, ни по манерѣ не могла замѣнить А. А. Картавину. Съ удовольствіемъ вспоминаемъ также Н. М. Муранскую,

(меццо-сопрано) съ сильнымъ, красивымъ голосомъ и хорошей школой, производившую сильное впечатлѣніе въ Ліи («Маккаси») и старой графинѣ («Пиковая Дама»), М. И. де-Маньи, сильное драматическое сопрано, А. А. Серебрякова, тенора г. Ошустовича, молодую пѣвицу Леминскую и др.

Въ теченіе сезона мы не разъ удивлялись холодности публики къ оперѣ, въ которой было такъ много интересныхъ и хорошихъ силъ, приписывая это преимущественно малой музыкальной развитости томской публики, но во многомъ виновата и сама антреприза, — до того небрежно, невнимательно и плохо ставившая нѣкоторыя оперы.

Н. А. Корсаковъ самъ не музыкантъ и проваломъ многихъ оперъ обязанъ режиссеру г. Васильеву, малой музыкальности опытнаго опереточнаго, но не опернаго дирижера И. И. Балакинина-Карскаго и неудовлетворительности г. Тимме.

Неуспѣху содѣйствовали малый хоръ и очень плохой, чересчуръ малочисленный и непропорціональный въ голосахъ оркестръ. Можно только удивляться, какъ артисты еще умудрялись пѣть вѣрно при частой сплошной фальши оркестра. Публика въ концѣ концовъ почти совѣтъ перестала посѣщать оперные спектакли, и на нашей антрепризѣ совершенно оправдалась пословица:

«Сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ». А. А.

САМАРА. Скудная и однообразная жизнь нашего города, въ которомъ нѣтъ почти никакихъ общественныхъ собраній и развлеченій, если не считать клубовъ, ванягъхъ преимущественно карточной игрой, выдвигаетъ на первое мѣсто театр, въ которомъ только и представляется возможность усталому отъ обыденной жизни и мелочныхъ интересовъ самарцу отрѣшиться отъ окружающаго, вздохнуть свободно и увѣренно, отдавшись міру болѣе возвышенныхъ теченій и художественныхъ наслажденій. При этихъ условіяхъ мы не можемъ не ходить въ театр, хотя бы ни труппа, ни репертуаръ и проч. насъ не удовлетворяли.

Вотъ почему прошлый сезонъ закончился блестящими матеріальными результатами, не смотря на исключительно плохую постановку дѣла, чему не мало способствовало и то, что г. Медвѣдевъ между прочимъ заблаговременно позаботился объ устраненіи цирка, такъ какъ этотъ послѣдній при пропалогоднихъ условіяхъ могъ быть дѣйствительно опаснымъ и счастливымъ конкурентомъ.

Нынѣ у насъ условія совершенно измѣнились: зданія цирка г. Медвѣдеву заарендовать по примѣру прошлаго года не пришлось, какъ говорятъ, по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ и въ немъ нынѣ подвизаются бр. Никитины; общество, понявшее въ прошломъ году всю невыгодность зависимости своей отъ антрепренера городского театра, стало энергично хлопотать о постройкѣ новаго народнаго театра болѣе вмѣстимости на средства Общества трезвости, предложившаго для этой цѣли 100,000 руб. (въ самое послѣднее время это дѣло, къ сожалѣнію, затормозилось въ виду предложенныхъ правительствомъ сокращеній расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ), а неудовольствіе публики въ случаѣ повторенія прошлогодняго положенія дѣла грозило принять такіе размѣры, при которыхъ Управа и театральная коммисія вынуждены были бы дѣйствовать противъ своего избранника, г. Медвѣдева.

Плоды конкуренціи успѣли сказаться: приглашены г-жа Азагарова и гг. Борисовскій и Галицкій, послѣдніе два извѣстны Самарѣ и оставили въ ней по себѣ хорошія воспоминанія — первый нѣсколько лѣтъ назадъ во время антрепризы имъ вдѣсь театр, а второй въ сезонъ 1898—1899 г. Оба очень тепло встрѣчены публикой на первомъ представленіи, состоявшемся въ пятницу 15 сентября. Давались комедія Островскаго «Лѣсъ» и водевилъ «Женское любопытство». Театръ былъ почти полонъ. Лучшимъ, безспорно, исполнителемъ этого спектакля былъ г. Борисовскій, очень живо и съ неподражаемымъ комизмомъ исполнившій роль Аркашки, вызывая искренній смѣхъ публики. Правда, мѣстами у г. Борисовскаго намъ казался нѣкоторый шаржъ, но мы не дѣлаемъ за это серьезнаго упрека артисту. Нѣскольکو менѣе удовлетворилъ насъ г. Галицкій въ роли Несчастливцева, такъ какъ въ его игрѣ наблюдались неровности и шероховатости, мѣшавшія цѣльности впечатлѣнія. Впрочемъ оба артиста одинаково дружно и много вызывались публикой. Объ остальныхъ артистахъ, которыхъ мы видѣли впервые, мы пока воздержимся говорить до болѣе близкаго знакомства съ ними, въ общемъ-же должны сказать, что въ постановкѣ этой пьесы замѣтны были недостатокъ срепетовки и *ensemble*, что, можетъ быть, на сей разъ объясняется спѣшностью постановки. Что касается до водевиля «Женское любопытство», исполнявшагося г-жей Рене и г. Муромцевымъ, то выборъ его для открытія сезона намъ кажется крайне неудачнымъ.

РЯЗАНЬ. Вслѣдствіе неожиданныхъ холодовъ спектакль 30-го августа («Извозчикъ Геншель») и 3-го сентября («Трудовой лѣбѣ») были послѣдними въ лѣтнемъ сезонѣ рязанскаго народнаго театра. Первый изъ этихъ спектаклей — «Извозчикъ Геншель» былъ поставленъ по образцу берлинскаго «Deutsche Theater». Изъ исполнителей выдѣлялась М. А. Крестовская, въ трудной роли Ганны.

Пользуясь закрытіемъ лѣтняго сезона, подведемъ нѣкоторые итоги дѣятельности рязанскаго народнаго театра за это лѣто. Начиная съ 11 апрѣля по 3 сентября обществомъ народныхъ развл. было устроено 28 спектаклей и столько-же гуляній давшихъ валового сбора 5985 рублѣй 31 коп., что въ среднемъ на каждое вечернее развлечение дается 213 рублѣй 74 коп. Изъ числа этихъ 28 спектаклей—пять спектаклей были поставлены по возвышеннымъ цѣнамъ и дали 1416 р. 39 к. Остальные-же спектакли по обыкновеннымъ цѣнамъ (отъ 7 коп. до 1 руб.) дали каждый въ среднемъ 193 руб. 65 коп.,—на 70% больше среднего сбора въ прошлѣмъ году. Точно также поднялась и цифра посѣтителѣй. Театръ посѣтило 19292 человека, въ среднемъ на каждый спектакль 689 человекъ, тогда какъ въ прошломъ году на каждый спектакль приходилось въ среднемъ 488. Садъ посѣтило 30810 челов. (въ среднемъ на каждое гулянье 1100 человекъ).

Репертуаръ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ, 13 пьесъ принадлежало Островскому, по 2 Слову и Шпажнскому и по 1 Гоголю, Мольеру, Гауптману и другимъ. Въ репертуаръ проскользнуло и нѣсколько нежелательныхъ пьесъ. Въ началѣ сезона были поставлены фарсы «Папеньки чудакъ», «Теплые ребята», «Тучки небесныя» и др. Точно также злоупотребляли и водевилями; иногда ихъ ставили по нѣсколько въ вечеръ. Отмѣтимъ также нѣкоторыя перемѣны и въ личномъ составѣ: въ началѣ сезона театральнымъ отдѣломъ заведывалъ г. Балашевъ, а въ его отсутствіе ставили пьесы любители г. Мшанинъ, Микулинъ и др. Съ конца-же іюля заведываніе театральнымъ отдѣломъ принялъ на себя баронъ Н. В. Дризенъ, а режиссеромъ въ настоящее время состоитъ членъ комитета Рязанскаго Общества устройства народныхъ развлеченій М. А. Крестовская. Комитетомъ общества рѣшено открыть въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ зимній театръ въ одномъ изъ зданій депо ж. д. Что же касается до зимняго театра общества трезвости, объ устройствѣ котораго ходили упорные слухи, то его, какъ мы слышали, не будетъ. Городской театръ будетъ держать З. А. Малиновская, открытіе назначено 1 октября.

Омаи.

ОДЕССА. Театральный зимній сезонъ въ г. Одессѣ открытъ. Въ городскомъ театрѣ новый антрепренеръ Н. Н. Соловцовъ далъ на 1½ мѣсяца драму, а вѣтъмъ италянская опера. Открытъ сезонъ «Ревизоромъ». Въ роли городнича выступилъ самъ импресарио, въ Хлестаковѣ г. Леонидовъ, въ Осипѣ г. Степановъ. Исполненіе посредственное. Недуренъ былъ (Осипъ) г. Степановъ и очень слабъ г. Леонидовъ (Хлестаковъ). Г. Недѣлининъ не замѣнилъ намъ незабвеннаго г. Киселевскаго въ роли Ростопчина. Дальше шелъ «Ивановъ» для дебюта г. Шувалова. Артистъ былъ неровенъ, да и по фигурѣ мало подходилъ къ этой роли. Для выхода г-жи Паскаловой шла пьеса: «Укрощеніе Стрптивой». Дальше «Въ старые годы» для г-жи Велизаріи. Артистка имѣла успѣхъ, такъ же, какъ и г-жа Паскалова, игравшая Клавдію, и г. Шуваловъ въ роли Рахманова. Въ общемъ, труппѣ не хватаетъ нервнаго подъема, захватывающаго публику, пьесы идутъ вяло, безжизненно, мѣстами только давая яркіе моменты. Рутинная положилась печатъ на всѣхъ артистовъ. Репертуаръ старъ и забитъ. Выходъ г-жи Морской состоится на-дняхъ. О немъ какъ и о другихъ новинкахъ городского театра—въ слѣдующій разѣ.

Въ русскомъ театрѣ открыла свои спектакли италянская оперетка подъ управленіемъ г. Чироконьямилло. Къ анонсамъ, предварительно выпущеннымъ, публика относилась недоброжелательно, этимъ и объясняется сравнительно небольшой сборъ при открытіи; за то теперь публика охотно посѣщаетъ оперетку. Новый театръ сдастъ г-жѣ Волгиной для фарса. Составъ труппы положительно незнакомъ публикѣ за исключеніемъ г-жи Воронцовой Лении. Фарсъ не прививается какъ-то въ Одессѣ. Вѣроятно скоро откроетъ свой сезонъ и аудитория съ неизмѣнными гг. Кіенскими во главѣ—до нельзя надѣвшимися публикѣ, за ними выплыветъ и цѣлая плеяда бездарныхъ любителей, получающихъ жалованье, какъ актеры. Упорядочить дѣло аудиторіи является настоятельно необходимою и можно только удивляться, какъ тѣ, кому это вѣдать подлечить, хладнокровно относятся ко всему совершающемуся. Остальные театры, какъ напр. Гармонія, залъ Болгарова будутъ снова наводняться гг. любителями, беспощадно повергающими произведенія авторовъ. Ни въ одномъ городѣ, нѣтъ такой массы любителей, какъ въ Одессѣ. Это просто какое-то эпидемическое явленіе... Общество трезвости ютится въ залѣ Болгарова и не имѣетъ труппы, а тоже составляетъ таковую изъ любителей. Лѣтомъ здѣсь дѣйствовалъ кафешантанъ sic! Впрочемъ, онъ устраненъ и замѣненъ малорусскими и русскими спектаклями. Какъ слышно, съ будущаго лѣта будетъ играть русская труппа. Вообще, Одесса городъ особенный, и порядки въ немъ одесскіе...

ОРЕНБУРГЪ. Минувшій лѣтній сезонъ прошелъ у насъ довольно скудно. Послѣ безголосой оперетки В. П. Алмазовой и М. Н. Ахматова, гастролировавшей здѣсь еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, къ намъ общалось было пріѣхать на 4 спектакля товарищество Императорской С.-Петербургской и Московской оперы, но несмотря на напечатанные и уже расклеенные по городу анонсы, товарищество это, изъ боязни большихъ рас-

ходовъ на переѣздъ и постановку оперъ, двинулось изъ Самары, вмѣсто Оренбурга, на Симбирскъ и Саратовъ. Затѣмъ пріѣзжали сюда г-жа Альма Фостремъ, взявшая полный сборъ, и оперный артистъ г. Дюминъ, пѣвшій въ микроскопическомъ садикѣ мѣстнаго общественаго собранія. Въ народномъ домѣ и въ вокзалѣ Бѣлова было дано нѣсколько немногочисленныхъ благотворительныхъ спектаклей и танцевальныхъ вечеровъ, но большею частью публика слушала музыку и развлекалась на-городскомъ бульварѣ и въ клубномъ саду.

Въ ежедневныхъ анонсахъ, помѣщаемыхъ въ мѣстной газетѣ о гуляньяхъ въ саду общественаго собранія, постоянно объявлялось, что «въ ротондѣ танцы для учащихся и дѣтей (съ 9 час. до 1 час. ночи)».

Между тѣмъ никакіе танцы нашимъ учебнымъ начальствомъ учащейся молодежи въ публичныхъ мѣстахъ безусловно воспрещались. Спрашивается: для кого и для чего печаталось подобное объявленіе?

Наконецъ-то въ нашемъ театрѣ производится капитальный ремонтъ. Ассигнованныхъ для этой цѣли 1020 рублѣй оказалось недостаточно, и спеціальная коммисія городской управы, назначенная для осмотра зданія театра, выяснила, что на ремонтъ слѣдуетъ добавить еще 2138 руб. 23 к. Дополнительный расходъ этотъ 31 августа думою былъ утвержденъ. Весь ремонтъ рѣшено произвести въ самомъ непродолжительномъ времени. Старая кресла зрительнаго зала будутъ проданы съ аукціоннаго торга, а вмѣсто нихъ предполагается пріобрѣсти новыя чугунныя кресла, какъ не требующія частаго ремонта. Стулья въ театрѣ частью пріобрѣтутся новыя, а частью исправятся въ мѣстномъ ремесленномъ училищѣ. Ремонтъ театра закончится не ранѣе второй половины сентября, а начало спектаклей послѣдуетъ въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца. Новый антрепренеръ, г. Каралли-Торцовъ, уже въ Оренбургѣ.

Вотъ сформированная имъ на предстоящій зимній сезонъ труппа: А. М. Каралли-Торцовъ, артистъ Императорскихъ театровъ, Ф. Ф. Вронченко-Левицкій, А. А. Горбачевскій, В. Н. Кузнецовъ-Ершовъ, Л. Д. Егоровъ-Коротковичъ, С. С. Головинъ, Н. К. Милоновъ, Н. А. Мазуровъ, В. С. Добожицкій, А. Н. Бѣляевъ, С. П. Долининъ, Н. А. Извольскій, В. Ф. Тарновскій, М. В. Васильевъ. Женскій персоналъ: О. Н. Ольгина, С. Ф. Волховская, Н. В. Бурдина, М. Г. Андреева-Любашина, М. В. Стрѣшневъ, Е. В. Айвазовская, М. А. Борисоглѣбская, С. Г. Кондрова, В. А. Анина, О. П. Михайлова. Режиссеры: А. М. Каралли-Торцовъ и Ф. Ф. Вронченко-Левицкій. Помощникъ режиссера В. Ф. Тарновскій, декораторъ Ф. И. Федоровъ, суфлеръ М. В. Васильевъ, кассирша С. Ф. Мельникова, управляющій театромъ И. А. Вайерманъ, костюмеръ А. М. Басовъ и парикмахеръ Волгинъ. Оркестръ Оренбургскаго казачьяго войска подъ управленіемъ г. Эстерейхъ. Обстановка сцены будетъ улучшена, такъ какъ привезены собственная мебель г. Каралли-Торцова, аксессуары и новыя декорации, часть которыхъ и передній занавѣсъ напечата въ Москвѣ декораторомъ г. Щукинымъ-Маленичъ. Всѣ старыя декорации переписываются заново.

Первый спектакль предполагается 26 сентября. Пойдетъ драма кн. Сумбатовъ «Соколы и вороны». Л. Искковъ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ. Лѣтній театр. Антреприза С. И. Крылова послѣ двухъ мѣсяцевъ драмы, взявшей 18,000 съ 23 апрѣля по 1-е іюля, — пріѣхало товарищество малорусскихъ артистовъ, подъ управленіемъ М. К. Ярошенко. Труппа успѣха не имѣла, но благодаря ежедневнымъ общедоступникамъ, товарищество взяло болѣе 5000 рублѣй съ 2-го іюля по 28-е іюля. Съ 30-го іюля начало оперетки В. П. Алмазовой и М. Н. Ахматова.

Труппа имѣетъ успѣхъ. Сборы прекрасные по 450 р. на кругъ. Съ 30-го іюля по 25 августа взято около 10,000 рублѣй. — Г. Ахматовъ кончаетъ и на будущее лѣто театръ сдастъ С. И. Крыловымъ? — Послѣ оперетки, съ 5-го сентября снова начинается труппа малороссовъ М. К. Ярошенко, нѣсколько пополненная и усиленная.

АСТРАХАНЬ. Лѣтній сезонъ окончился у насъ 3 сентября. Играла опереточная труппа Левицкаго. Изъ артистокъ пользовались успѣхомъ г-жа Тераціано, обладающая недурнымъ голосомъ, г-жи Калмыкова (каскадная) и Соколова (лирическое сопрано). Изъ мужскаго персонала отмѣтимъ: г. Левицкаго, обладателя большого тенора, но слишкомъ рѣзкаго тембра; г. Херсонскаго, опытнаго комика; г. Салтыкова (недурной музыкальный баритонъ) и г. Петровскаго (простака). Хоръ и оркестръ были жидковаты. Изъ новинокъ шли: «Гейша» (7 разъ), «Ужасы войны», «Натурщица», «Современный Онѣгинъ», «Куколка» и «Новые цыганскіе романсы въ лицахъ». Ежедневно давались общедоступные спектакли (отъ 5 коп. до 1 рубля). Общедоступная оперетка—это что-то новое! Сборы были выше среднихъ. А. Дадашевъ.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ,

съ 25-го сентября по 2 е октября 1900 года.

Александринскій театръ. 25-го сентября: въ 1-й разъ: «Буреломъ». 26-го сентября: «Девятый вальс». 27-го сентября: «Послѣдняя жертва». 28-го сентября: «Царь Борисъ». 29-го сентября: «Буреломъ». 1-го октября, утр.: «Горе отъ ума». Вечер.: «Свѣтитъ да не грѣетъ».

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимовеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Косметическіе спермацетовые личные утиральники косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистой, нѣжною и пріятно освѣжаетъ. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра.

Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.

Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересылкою по мѣнѣ 2 пачекъ 2 руб.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2.

ОПЫТНАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ КАССИРША

желаетъ получить мѣсто на зимній сезонъ. Спб. Николаевская 73, кв. 11. Г-жѣ С. М. С — ъ.

ЭД. ДЕ-РЕШКЕ ОБЪ ЭОЛІАНЪ:

„Я признаю несомнѣнную пользу Эоліана, отмѣчаю его превосходнаго качества тонъ и ясное, отчетливое исполненіе. При легкости игры и возможности правильно пользоваться оркестровой партитурой, этотъ инструментъ нравится любителямъ высшей (серьезной) музыки и въ особенности цѣнится лицами, которые въ юности не имѣли времени выучиться играть, но обладаютъ музыкальнымъ вкусомъ.“

ЭОЛІАНЪ—новый инструментъ, устраняющій работу пальцевъ играющаго. Нюансировка темпа и силы звука и инструментовка остаются въ полномъ распоряженіи играющаго, которому предоставляется, только выдвигая регистры, пользоваться всеми этими музыкальными эффектами.

ЭОЛІАНЫ имѣются въ 225, 300, 400, 550, 600, 900, 1.200 и 1.500 р. Ноты къ нимъ въ громадномъ выборѣ отъ 1 р. 50 к. и дороже. Подробное описаніе бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ: В. Морская, № 34. Москва: Кузнецкій мостъ, д. Захарыина. № 2311. 52—4.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

„ЛЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5. Существ. съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

№ 2304. 7—12.

При этомъ номерѣ прилагается объявленіе о Сборникѣ „РЕПЕРТУАРЪ“.

НОВАЯ КНИГА. „ВЕСЕЛЫЕ ВЕЧЕРА“.

Сам. полный сборн. остроумныхъ куплетовъ. Репертуаръ популярныхъ куплетистовъ: Арбенина, Влюменталь-Тамарина, Вранскаго, Вураковскаго, Каменскаго, Леонидова-Гуляева, Пальма, Шевченко и др. Съ портрет. исполнителей подъ редакціей М. В. Лентовскаго и С. А. Пальма.

Ц. 1 рубль.

Выписывать можно лѣзъ каталога журнала „Театръ и Искусство“.

ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ

Извѣстный психо-графологъ И. Ф. Моргенштернъ прибылъ въ С.-Петербургъ и остановился по Малой Итальянской ул., въ д. № 3, кв. 15.

ДѢЛАЕТЪ АНАЛИЗЫ ПО ПОЧЕРКУ.

Принимаетъ желающихъ распознать себя, свое призваніе, свои силы и опредѣляетъ темпераментъ, мировоззрѣніе, способности, наклонности и вообще весь нравственный строй человѣка. Желаніе могутъ послышать почерки по почтѣ съ приложеніемъ платы. Ответы даются черезъ три дня. Пріемъ отъ часу дня до 6 часовъ вечера. Приглашенія же на домъ принимаются только вечеромъ по соглашенію.

